

С 34
17

801-15
1665

О Ч Е Р К Ъ
С О В Р Е М Е Н Н А Г О П О Л О Ж Е Н І Я И Н У Ж Д Ъ

РУССКОЙ МАНУФАКТУРНОЙ

П Р О М Ы Ш Л Е Н Н О С Т И .

Р Ъ Ч Ъ ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ

Модестомъ Киттары,

9 Іюня 1857 года.

МОСКВА.

Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 9 Іюля, 1857 года.

Ценсоръ Н. Фоль-Крузе.

2011143824

Напечатано съ изданія 1857 г.

Милостивые государи!

Исторія человѣчества, съ ея длиннымъ рядомъ событій, приводитъ къ тому положительному заключенію, что въ жизни народовъ, въ различные ея періоды, развивались и разные принципы, дѣйствовали разнородные элементы, различныя побужденія, смѣняясь другъ другомъ, то выходя рельефно, то скрываясь въ тѣни за другими; и господствомъ одного извѣстнаго стремленія характеризовались цѣлыя эпохи исторіи.

Такъ пала римская исторія съ ея цивилизаціей, съ ея сложной ученой системою права и государственной администраціи, — и первый періодъ средневѣковой исторіи справедливо характеризуется господствомъ личныхъ стремленій, произвола и матеріальной грубой силы. Преданія древняго классическаго міра, конечно, не исчезли вдругъ; но онѣ мало по малу были вытѣснены началомъ ничѣмъ не сдержанной личности, внесеннымъ варварами. Когда прекратилось за тѣмъ движеніе германскихъ народовъ, когда прикрѣпились къ землѣ до тѣхъ поръ подвижныя дружины и начали возникать новыя европейскія христіанскія государства, мы видимъ на первомъ планѣ иное господствующее стремленіе. Грубое общество мало по малу проникалось свѣтомъ христіанской Церкви и начинало сознавать необхо-

димось какого нибудь порядка и общественной связи. Самый феодализмъ, порожденіе личнаго начала, господство личной силы, есть уже доказательство этого сознанія.

Далѣе является борьба папъ съ императорскою властью за рѣшеніе вопроса: гдѣ будетъ средоточіе общаго единства: въ лицѣ ли намѣстника св. Петра или въ особѣ преемниковъ римскихъ цезарей. Въ тоже время, проникнувшись вліяніемъ христіанства, силы юнаго общества направляются къ высокой цѣли, и гробъ Господень — долго не удержимо влечетъ къ себѣ ополченіе западныхъ крестоносцевъ. Передъ зовомъ Петра пустытника смолкли на время всѣ другіе интересы.

Исторія помнитъ также вѣкъ XV, когда верхними слоями всего западохристіанскаго общества овладѣло увлеченіе памятниками и жизнью древняго міра, когда съ необъяснимымъ восторгомъ бросились всѣ на открытіе и изученіе древней цивилизаціи, когда съ жадностію прислушивались ко всѣмъ отголоскамъ далеко еще дохристіанскаго прошедшаго. Исторія назвала этотъ періодъ эпохой возрожденія.

Памятна и слѣдовавшая за нею другая эпоха, когда пробудившееся религіозное сознаніе взволновало до самыхъ основъ весь западохристіанскій міръ, когда вопросы религіи и совѣсти стали на первомъ планѣ, подчинивъ себѣ всѣ остальные, — и реформація является главною характеристикою XVI и XVII вѣковъ.

Мы назвали здѣсь самыя крупныя, самыя рельефныя историческія эпохи, а сколько было менѣ замѣтныхъ, болѣе ограниченныхъ въ своемъ дѣйствіи и сферѣ—стремленій, которыя однако же господствовали надъ другими и давали особенное направленіе жизни цѣлыхъ народовъ. Припомните систему европейскаго равновѣсія, систему меркантильную, вліяніе энциклопедистовъ....

Но чѣмъ же отмѣтитъ себя въ этой общей исторіи чело- вѣчества нашъ современный вѣкъ? Безспорно электриче- скими телеграфами, пароходами и желѣзными дорогами, громадными фабриками и заводами, всемірною самою дѣя- тельною торговлею, всеобщимъ практическимъ направле- ніемъ. Вотъ, что характеризуетъ по крайней мѣрѣ первую половину XIX столѣтія, начало котораго, правда, гремѣло почти общою европейскою войною; но это было продолже- ніе, раскатъ громовъ XVIII вѣка, за которымъ началось мирное время, а съ нимъ и новое направленіе ума. Чело- вѣчество, наученное длиннымъ и тяжелымъ опытомъ, еще разъ поняло, что не въ одной только многочисленной ар- міи, не въ порохѣ, чугунѣ и свинцѣ таится могущество, сила державъ и благосостояніе каждаго ихъ члена; что не одно золото, которое еще долго будетъ кумиромъ страстей чело- вѣческихъ, талисманъ благоденствія; что религіозная чистота сердца, идеи чести, науки и изящныя искусства суть необходимыя, совокупныя принадлежности нравствен- наго общества. Теперь, кажется, понято, и дай Богъ, чтобы это пониманіе осталось надолго, если не навсегда, что одинъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія націй за- ключается въ развитіи промышленныхъ силъ государства, въ разумномъ умѣнїи пользоваться дарами природы, покрыва- вая ими внутреннюю потребность, снабжая другихъ тѣмъ, чѣмъ они скудны; — въ умѣнїи дать каждому равномѣрно честный и благодарный трудъ, который бы вывелъ изъ тяжелой колеи нужды и вселилъ бы въ семействахъ до- вольство и избытокъ, а при такой обстановкѣ, повѣрьте, не умрутъ при рожденіи, не загрубѣютъ и послѣ тѣ чув- ства сердца, тѣ таланты ума, которые равно даны Прови- дѣніемъ и бѣдному и богатому, и слабому и сильному.

Наоборотъ, широко разовьется просторъ для нравствен-

наго совершенства, замолкнуть упреки на Промысль — и щедро протянется рука на помощь ближнему; затихнутъ грубыя невѣжественныя страсти и явится вкусъ, а съ нимъ и любовь ко всему высокому и прекрасному.

Вотъ видная перспектива будущаго, начало котораго положилъ нашъ современный вѣкъ; вотъ цѣль, къ которой стремятся теперь народы; но всѣ ли съ одинаковой энергіей и помогая ли другъ другу на этомъ пути, полномъ искушеній и соблазна корысти? Къ сожалѣнію, нѣтъ! Еще недавно громъ ужасной войны потрясалъ Европу и кровь пяти націй, изъ которыхъ четыре братья по вѣрѣ, орошали берега Крыма, и въ этой странной войнѣ только мы, русскіе, были рыцарями креста и чести; другими руководили инныя побужденія — опасеніе преобладанія и успѣховъ Россіи, желаніе ослабить могучее тѣло, нанеся ударъ, который оглушилъ бы ее надолго — и устранивъ съ пути къ прогрессу, позволилъ бы оставить далеко за собою. Но, благодаря всеблагому Промыслу, въ Европѣ снова миръ, — но миръ не для сна и покоя.

Въ природѣ добро и зло всегда идутъ рядомъ, и ежели минувшая война, обогатившая только весьма немногихъ, умѣвшихъ пользоваться обстоятельствами, нанесла всѣмъ участникамъ тяжелыя и горькія потери, то она принесла и свою долю пользы, раскрывъ многое дотолѣ неясное и ошибочное. Не наше дѣло, что извлечь бывшіе наши недруги изъ тяжелаго опыта; наше дѣло подумать о самихъ себѣ, — глубже вникнуть внутрь себя, сравнить струны нашей силы съ чужеземными и собрать всѣ средства, чтобы достигнуть одного ровнаго съ ними тона, чтобы, не ожидая распадѣнія или смерти другихъ націй, какъ срока слишкомъ неопредѣленнаго, дружнымъ приѣмомъ

встать въ уровень съ ними. Благо — дорога исторіей указана.

Мы, русскіе, были горды, и сквозь лавровый вѣнокъ 12 года вѣрили въ миражъ, въ неизбѣжность голода на западѣ безъ русской пшеницы; мы были щедры и, дешево отдавая иностранцамъ тяжелый плодъ труда крестьянина, приплачивали крупную цифру звонкой монеты за ихъ произведенія.

Мы были безпечны, и тогда какъ другіе напрягали всѣ силы къ развитію промышленности, всѣ промышленности, всѣ способности ума къ усовершенствованію своего сельскаго хозяйства и производствъ мануфактурныхъ, мы очень мало шагнули впередъ, если даже, порой, не отодвинулись назадъ.

Но время не ушло еще, и для русскаго народа, съ его могучей натурой, ничего не потеряно; въ дѣлѣ народной промышленности нужна только общая рѣшимость, а не отдѣльныя попытки нѣсколькихъ лицъ. Вотъ что нужно: — это сознаетъ болѣе или менѣе каждый изъ нашихъ практиковъ. Но первый шагъ всегда самый важный, какъ опредѣляющій линію дороги, всегда и самый трудный. Чтобы начать его, необходимо точное знаніе современнаго положенія, ясное пониманіе цѣли и глубокое обсужденіе средствъ къ ея достиженію.

Вотъ вопросы равно интересныя, равно важныя и для отечественнаго сельскаго хозяйства и для промышленности мануфактурной и для неразлучной ихъ спутницы торговли. Изъ этихъ трехъ отраслей вторая заслуживаетъ, по современному ея положенію, едва ли не самаго большаго вниманія и участія. Получивъ начало вмѣстѣ съ гражданственностію народа, она развилась такъ тихо и медленно, что, со временъ Рюрика до Петра I-го, недалеко ушла отъ

первобытнаго своего состоянія. Великій преобразователь Россіи глубоко понималъ значеніе мануфактурной промышленности для государства и, можно сказать, первый изъ Царей русскихъ перенесъ на отечественную почву многія изъ производствъ иностранныхъ, усовершенствовалъ дотолѣ существовавшія и указалъ тотъ путь, которому должны были они слѣдовать при дальнѣйшемъ развитіи.

Къ сожалѣнію, въ послѣдующее за тѣмъ время до 1760 годовъ, этотъ путь измѣнился, не принеся никакой существенной пользы народному благосостоянію и удовлетворяя только роскоши.

Екатерина II снова указала его для русской промышленности и, конечно, съ тѣхъ поръ до настоящаго времени наши ремесла, наши заводы и фабрики развились въ числѣ и расширились въ размѣрахъ; — но мы должны сказать правду, это развитіе шло не въ уровень съ Западомъ, не пропорціонально производительнымъ силамъ государства и за весьма немногими, рѣдкими исключеніями, безъ заботы объ усовершенствованіи и экономіи, безъ попытки къ рациональному ходу дѣла.

Широко развившаяся наша внѣшняя торговля, конечно, имѣла главное вліяніе на такой порядокъ. Россія, богатая сырыми продуктами, дешевизною труда, незатѣйливостію нуждъ большинства населенія, не тяготилась дороговизною иностранныхъ товаровъ, развивала свои фабрики и заводы по мѣрѣ внутренняго, тихо-увеличивающагося запроса, мало обращая вниманія на рациональность производствъ и на достоинство издѣлій.

Но времена измѣнились: Америка, Турція, Придунайскія княжества являются опасными соперниками Россіи въ сбытѣ сырыхъ продуктовъ, а развивающаяся внутренняя цивилизація, раждаая разнообразныя нужды, заставляетъ съ одной

стороны желать труда благодарнаго, съ другой—доступности, т. е. дешевизны и добротности предметовъ, удовлетворяющихъ эти нужды. — Но трудъ можетъ быть благодаренъ, а издѣліе дешево и хорошо только при правильномъ потребленіи перваго и при полномъ знаніи производства втораго, — при двухъ обстоятельствахъ, отсутствіе которыхъ характеризуетъ русскую мануфактурную промышленность. — повторимъ еще разъ—за весьма немногими исключеніями.

Этой-то послѣдней стороны, мм. гг., мы и коснемся въ настоящемъ случаѣ, задавъ себѣ темой очеркъ современнаго положенія и нуждъ русской мануфактурной промышленности.

Ка три разряда дѣлится, въ научномъ отношеніи, эта послѣдняя: ремесленную, заводскую и фабричную, и первая изъ нихъ, по значенію своему, занимаетъ едва ли и не первое мѣсто въ Россіи. Мало изслѣдованная и извѣстная, почти неучаствующая непосредственно въ большихъ торговыхъ оборотахъ нашихъ ярмарокъ, часто ничтожная по цѣнѣ издѣлія, она тѣмъ не менѣе, являясь на сельскихъ рынкахъ и базарахъ, по цифрѣ продуктовъ, покрывающихъ обыденныя нужны большинства населенія, едва ли уступить итогам всѣхъ нашихъ фабрикъ и заводовъ. Значеніе этой промышленности становится еще выше, когда припомнимъ, сколько тысячъ семействъ обязаны ей своимъ благосостояніемъ, что она въ длинный періодъ зимы, періодъ праздности для другихъ, даетъ поселянамъ, въ средѣ которыхъ преимущественно встрѣчаются ремесла, средства пріобрѣсть деньги, а съ ними внести избытокъ и довольство въ бытъ семейный. Сравните крестьянина, хлѣбопашца просто, съ крестьяниномъ ремесленникомъ, — какая разница не только въ обстановкѣ житейской, но и въ отношеніи моральномъ! Какъ въ первомъ удивить васъ отупѣніе всей

натуры, привыкшей къ валовому труду лѣтомъ и животной лѣни зимою, такъ во второмъ порадуетъ васъ энергія, присутствіе мысли и расчета человѣка цѣнящаго свой трудъ, взвѣшивающаго свои силы и время, и часто нанимающаго рабочаго на простое и грубое дѣло. Какъ непріятно дѣйствуетъ на слухъ обычная рѣчь хлѣбопашца: «незнаю, батюшка,—ваше дѣло темное», такъ опять таки радуется васъ резонность и положительность отвѣтовъ ремесленника, болѣе сталкивающагося съ людьми, болѣе привыкшаго думать. Возьмите его и въ минуту разгула; пьетъ и онъ хлѣбное, но рѣдко пьетъ до повалу и безъ просыпа, а почему? у него есть дѣло и забота, котораго у другаго нѣтъ. Наконецъ, загляните въ семью мастераго; у него и дѣти смотрятъ иначе, всегда при отцѣ, смолоду наглядываясь на его работу, помогая ему, прислушиваясь къ его расчетамъ въ разговорахъ съ женой, братомъ или кумомъ, среди которыхъ порой сулятся и имъ пряники, у нихъ голова развивается иначе; они не поразятъ васъ своей дикостью, не надоѣдаютъ отцу и матери, не отобьютъ ихъ рукъ отъ дѣла, а въ послѣдствіи, когда выростутъ, и изъ нихъ тоже выйдутъ трудолюбивые ремесленники. Этимъ-то обстоятельствомъ, при переимчивости русской натуры, объясняется странная особенность нашей сельско-ремесленной промышленности распредѣляться отдѣльными группами, ремесло отъ ремесла порознь. Въ самомъ дѣлѣ, кто часто и много ѣзжалъ по обширной Россіи, едва ли укажетъ на деревню или село (здѣсь не говорится о селахъ торговыхъ или фабричныхъ), гдѣ были бы ремесленники на разныя руки; по обыкновению, известное ремесло характеризуетъ и известную мѣстность,—въ одномъ селеніи ткачи, въ другомъ колесники, въ третьемъ шубники, и т. д. Иногда мѣстность ремесла бываетъ шире, характеризуя

волость и даже уѣзды; но всегда общій характеръ особеннаго остается неизмѣннымъ для ремесленности сельской, въ совершенную противоположность ремесленной промышленности въ городахъ, гдѣ разнообразность запроса развиваетъ и разнообразные виды ремеслъ. Но остановимся нѣсколько на первой и зададимъ себѣ вопросъ: хорошъ ли ея характеръ?

И да, и нѣтъ. За границей, и преимущественно въ Англии, мы встрѣчаемъ подобную же характеристику ремеслъ, характеристику еще болѣе рѣзкую: тамъ также цѣлые округа заняты однимъ дѣломъ, но это должно сказать только о тѣхъ ремеслахъ, которыя находятся въ прямой связи съ заводами и фабриками. Подобные примѣры имѣемъ мы и въ Россіи: это ткачество хлопчатобумажной пряжи, пряденіе шерсти и друг.; жаль только, что при ограниченномъ числѣ нашихъ мануфактурныхъ заведеній, такихъ примѣровъ немного. И въ этомъ случаѣ, т. е. когда ремесло является простымъ трудомъ, безъ затраты капитала, или труда же на пріобрѣтеніе матеріала для работы, безъ торговаго расчета, соединеніе однородныхъ ремеслъ на одномъ пространствѣ, безспорно, наивыгоднѣйшее и для работающихъ и для хозяина работъ, какъ облегчающее всѣ сношенія, а также перевозку матеріала и продукта. Но большинство нашихъ отечественныхъ ремеслъ находится въ другомъ положеніи. Ремесленникъ у насъ, по обыкновению, полный хозяинъ не только своему труду, но и матеріалу, употребленному на работу и приготовленному изъ него издѣлію; на его заботѣ лежитъ дешевая покупка перваго и выгодная продажа втораго. И при такой обстановкѣ ремесла, характеръ отдѣльности не всегда можетъ назваться выгоднымъ. Возьмимте нѣсколько случаевъ; посмотримъ на прим., какъ работаютъ тележныя колеса въ нашихъ сѣ-

веро-восточныхъ лѣсныхъ губерніяхъ; ободья гнетъ одна деревня или село; втулки точить другая, колеса собираетъ третья, а оковываетъ ихъ четвертая и очень часто на расстояніяхъ 10, 20 и даже 30 верстъ одна отъ другой; при такомъ порядкѣ ремесленникъ, собирающій колеса, сколько долженъ тратить времени на поѣздку за ободьями, втулками и за оковкой. Положимъ, что первыя еще онъ можетъ купить на базарѣ, куда повезетъ и свой товаръ, но ежели колеса спрашиваются кованыя, то ихъ нужно прежде свести къ кузнецамъ, да потомъ понавѣдаться нѣсколько разъ, да отвезти обратно, и въ итогѣ дорогаго времени уходитъ много. Не лучше ли было, ежели бы, въ нашемъ примѣрѣ, всѣ эти ремесла были собраны въ каждой изъ трехъ мѣстностей по ровну; тогда бы всѣ сношенія были короче и проще, и ремесленникъ произвелъ бы гораздо болѣе полезной работы. Не то ли же самое должно сказать и о ремеслѣ кожевенномъ, также по обыкновенію странно раздѣленномъ: въ одномъ мѣстѣ заготавливаютъ корье, въ другомъ дубятъ кожу, въ третьемъ шьютъ обувь; и все это не на сотняхъ верстъ другъ отъ друга, а на площади въ 20, 30 квадратныхъ верстъ,—гдѣ, слѣдовательно, условія края почти одинаковы. Примѣровъ такого страннаго раздѣленія труда на разныхъ мѣстностяхъ можно бы привести очень много. Но въ этихъ примѣрахъ видна по крайней мѣрѣ связь ремеселъ, обусловленныхъ мѣстомъ и только странно раздѣлившихся. Что же сказать теперь о тѣхъ случаяхъ, гдѣ матеріалъ для работы доставляется не мѣстной природой, а получается издалека, о случаяхъ весьма частыхъ въ нашей ремесленной промышленности. Что сказать, на примѣрѣ, о павловцахъ, жителей Воремы и друг. нѣкоторыхъ селеній нижегородской губерніи, въ которыхъ что дворъ, то заведеніе разныхъ желѣзныхъ

издѣліи—бритвъ, ножей, пожницъ, проволоки и проч., о жителяхъ, покупающихъ, правла, матеріалъ для работы на макарьевской ярмаркѣ, по производимый природой Урала и его отроговъ, мѣсть, слишкомъ удаленныхъ отъ Нижняго Новгорода? Что сказать объ обитателяхъ или, правильнѣе, обитательницахъ, на примѣрѣ, владимірской губерніи, гороховецкаго уѣзда, въ особенности села Пестяки, вотчины княгини Щербатовой, гдѣ весь женскій полъ, отъ мала до велика, вяжетъ чулки, носки и вареги, продавая ихъ потомъ по сибирскимъ городамъ, на нижегородской ярмаркѣ и въ другихъ мѣстахъ, на 120 слишкомъ тысячъ рублей серебромъ и потребляя на это дѣло до 12 съ половиною тысячъ пудъ шерсти, и шерсти не мѣстной, а доставляемой изъ губерній астраханской, оренбургской, саратовской, изъ земли Войска Донскаго, все изъ мѣсть слишкомъ далекихъ отъ Владиміра? Развѣ примѣры эти, а ихъ можно было бы привести гораздо болѣе, доказательства правильности экономическаго распредѣленія нашихъ ремеселъ и ихъ отдѣльности, на этотъ разъ даже необусловливаемыхъ и мѣстностію. Не выгоднѣе ли было бы, ежели бы наши мелкія желѣзныя издѣлія выработывались жителями пермской, вятской и оренбургской губерній прямо изъ мѣстнаго матеріала, а шерсть перерабатывалась бы на мѣстахъ ея полученія. Не уменьшилась ли бы стоимость этихъ издѣлій уже сокращеніемъ расхода чрезъ устраненіе двойной перевозки и лишнихъ посредниковъ?

Но, высказавъ невыгоду отдѣльности ремеселъ и часто связанное съ нею неправильное ихъ распредѣленіе, мы должны упомянуть еще объ одной, едва ли не самой неблагоприятной, сторонѣ нашей сельской ремесленной промышленности.

Характеръ особняка, характеръ часто производящій рѣз-

кѣи контрастъ въ быту и занятіяхъ двухъ сосѣднихъ селеній, имѣетъ прямымъ слѣдствіемъ то, что ремесло становится монополіей извѣстнаго мѣста, упорно держится въ границахъ того села или деревни, гдѣ оно водворилось, и только съ трудомъ, при посредствѣ браковъ или другихъ исключительныхъ причинъ, и то изрѣдка, переступаетъ ихъ границы. Этому-то обстоятельству, главнѣйшимъ образомъ, должно приписать малораспространенность у насъ сельскихъ ремеслъ и слишкомъ медленный ходъ ихъ развитія.

И въ самомъ дѣлѣ, достаточно вспомнить громадныя размѣры нашего отечества съ его 67 м. населенія, нашу по большинству щедрую и разнообразную природу, нашу длинную зиму, прямо назначенную для промышленности ремесленной и потомъ сравнить все это съ любымъ государствомъ западной Европы, чтобы прійти къ неутѣшительному сознанію, что наши сельскія ремесла могли бы представлять болѣе оживленную, болѣе блестящую картину. Тамъ ремесла развиты въ такой степени, что кажется нѣтъ предмета изъ мѣстной природы, который бы не имѣлъ самага разнообразнаго примѣненія и часто избытокъ издѣлій превышаетъ запросъ на нихъ. У насъ же, наоборотъ, сколько еще нетронутыхъ матеріаловъ и какъ часто велика нужда поселянина въ предметахъ ежедневнаго потребленія, которыхъ или пріобрѣсть нельзя, или необходимо ждать ярмарокъ, вообще неслишкомъ частыхъ, или ѣхать въ городъ нерѣдко дальній. И при томъ, какъ распредѣлены сельскія ремесла? Русская пословица: гдѣ густо, гдѣ пусто, а гдѣ и нѣтъ ни чего, какъ нельзя болѣе идетъ къ намъ въ этомъ случаѣ. Сравните наприм. губернію московскую или владимірскую съ казанской или пермской; не говорю уже о мѣстностяхъ болѣе сѣверныхъ или болѣе восточныхъ.

Къ сдѣланному мною бѣглому очерку положенія нашей сельской ремесленной промышленности, мнѣ остается еще добавить нѣсколько словъ о степени технического искусства.

Въ этомъ случаѣ нѣкоторыя изъ отечественныхъ ремеслъ представляютъ замѣчательные примѣры: такъ мы можемъ указать на наши издѣлія валеной шерсти въ нижегородской губерніи, тамъ же на стальные вещи и балахнинскія кружева, на предметы столярнаго искусства въ вятской губерніи, на издѣлія изъ козьяго пуха оренбургскія, на чернь устюжскую, на слоновую кость архангельскую, и другія мѣстности, гдѣ продукты сельскаго ремесла сдѣлались предметомъ потребленія самыхъ взыскательныхъ горожанъ. Но много ли найдется такихъ примѣровъ и не ограничивается ли развившееся искусство только предметами роскоши? Какъ бы не желательно было сказать противное, но, къ сожалѣнію, должно сознаться, что искусство, это въ большинствѣ ремеслъ, находится почти въ совершенномъ застоѣ. Какъ работали дѣды, такъ дѣлаютъ и внуки; вмѣстѣ съ знаніемъ переходить отъ отца къ сыну, какъ будто паслѣдственная болѣзнь, совершенное отсутствіе мысли объ улучшеніи своего издѣлія и всякаго побужденія къ его усовершенствованію.

Конкуренція, которая такъ быстро подвинула впередъ всѣ отрасли мануфактурной промышленности за границей, у насъ ведетъ, въ отношеніи ремеслъ, тамъ, гдѣ она проявляется, къ другому результату, совершенно обратному. Недостатокъ умѣнья придать своему издѣлію особія качества, которыя удержали бы пониженіе цѣны отъ увеличивающагося числа производителей, недостатокъ знанія, какъ сократить или удешевить работу безъ порчи продукта, заставляетъ ремесленника при возникшей конкуренціи искать

другихъ средствъ и, слѣдуя общему примѣру: или спѣшить работой, не заботясь о достоинствѣ приготовляемой вещи, или употреблять болѣе дешевые первоначальные матеріалы, или уменьшать количество ихъ, выработывая издѣлія прежней наружности, но уже другихъ болѣе низкихъ свойствъ, или, что еще чаще, соединять и то и другое и третье все вмѣстѣ.

Итогъ такого порядка вѣренъ: издѣліе дешевѣетъ и вмѣстѣ съ дешевизною вызываетъ недовѣріе потребителей, а за нимъ уменьшеніе запроса — и ремесло приходитъ въ упадокъ, становится невыгоднымъ и начинаетъ уменьшаться въ размѣрахъ; но зло сдѣлано, искусство испорчено, и долго, долго потомъ не выходитъ на прежнюю дорогу.

Нужно ли искать примѣровъ? Вспомните нашъ Русскій прежній куль, сдѣланный изъ плотной мочальной ткани, напоминающій теперь кисейные товары и породившій столько непріятностей въ послѣднее время при поставкѣ хлѣба (1); нашъ прежній казанскій шадрикъ, теперь нерѣдко едва отличаеый отъ простой золы и очень часто вводящій въ большой убытокъ потребителя; нашу крестьянскую обувь, которая носится втрое скорѣе противу прежняго; наше корье и множество другихъ подобныхъ случаевъ.

Вотъ, мм. гг., контуръ картины русской сельско-ремесленной промышленности, — контуръ, въ которомъ желалось бы, всѣмъ сердцемъ, измѣнить многія черты и расширить самое поле. Желалось бы, чтобы ремесла наши потеряли характеръ особняка и разлились ровнѣе по деревнямъ и селамъ, принося съ собой средства къ заработкѣ. Желалось

(1) Впрочемъ на достоинство нашего куля не могла не имѣть вліянія пошлина, наложенная въ послѣдніе годы (1 руб. 50 коп. съ 100 роговъ. 2 руб. съ сотни куля и цинковки, 9 коп. сер. съ пуда мочала), не рѣдко дважды оплачиваемая, т. е. въ мочалѣ и кулѣ.

бы, чтобы трудъ и искусство были приложены преимущественно къ мѣстной природѣ и извлекали бы изъ нея всю пользу, какую только извлечь можно, чтобы являющаяся конкуренція развивалась на другихъ болѣе прочныхъ основаніяхъ и, наконецъ, чтобы искусство самое шло впередъ, а не стояло неподвижно, или, еще хуже, не двигалось назадъ.

Но, высказывая желанія, я далекъ отъ упрека за настоящій порядокъ дѣла. Чѣмъ виноватъ, въ самомъ дѣлѣ, русскій сельскій ремесленникъ, если, научившись чему-нибудь отъ отца, онъ не можетъ прибавить къ этому знанію чего либо новаго, лучшаго? Чѣмъ виноватъ и русскій крестьянинъ, если, не зная никакого ремесла, онъ и не принимается за него? Можно ли упрекнуть его и за самое незнаніе? Для знанія нужно ученье, а гдѣ же и чему онъ можетъ научиться? Припомните методъ воспитанія обычный въ быту сельскомъ. Какъ только ноги начинаютъ носить ребенка, онъ лѣто проводитъ въ сору и песокѣ, или въ грязи по колѣно, зиму на печкѣ и полатяхъ въ бесѣдѣ съ кошкой, да въ кругу таракановъ; затѣмъ наступаетъ для него періодъ змѣйковъ, бабокъ, лапты и снѣжковъ, а тамъ, выходя въ подростки, начинаетъ пасти свиней или, рѣже, помогать отцу въ полевыхъ работахъ лѣтомъ, а зимой, глядя на него, смолоду привыкать къ лѣни. Такъ проходитъ для него однообразно, безцвѣтно и бесплодно лучшее время жизни для ученья — юность, и затѣмъ приходитъ пора хороводовъ, пора молодечества, гдѣ развиваются иные чувства и мысли; а тамъ онъ женится, становится семьяниномъ и входитъ въ кругъ обычнаго порядка, т. е. приживаетъ дѣтей и даетъ имъ такое же воспитаніе, какое получилъ и самъ, за что и винить его нельзя, потому что онъ не знаетъ другаго. Гдѣ же тутъ найти полезное

и доброе знаніе, и можно ли ожидать водворенія или развитія ремесль?

Но на всякій недугъ, говорятъ, есть и лекарство, и для больной нашей сельской ремесленности есть средство къ исцѣленію, развитію и процвѣтанію, средство вѣрное и испытанное. Это средство—ученье, и народный духъ самъ его просить. Вспомнимъ столь частыя приговорки русскаго крестьянина: мы люди темныя; ученье свѣтъ, а неученье тьма. Развѣ въ этихъ фразахъ нѣтъ глубокаго сознанія въ невѣжествѣ, развѣ это только оправданіе или оговорка, а не просьба о свѣтѣ, просьба, правда, высказанная не прямо, да и въ этомъ виноватъ таки опять не русскій крестьянинъ. Не одинъ онъ, минуя прямую дорогу, ходитъ околицей.

И такъ для развитія ремесль, а съ нимъ и народнаго благосостоянія необходимо ученье, необходимы школы, ремесленные школы, въ которыхъ бы крестьянскія дѣти, не обременяя родителей, не тратя дорогаго и лучшаго времени, привыкали бы къ дѣлу, учились бы разнородному мастерству, а затѣмъ переносили бы его въ бытъ семейный. Само собою разумѣется, что такія школы на обширномъ пространствѣ Россіи не должны имѣть одинъ общій одноформенный характеръ; наоборотъ онѣ должны согласоваться съ нуждами мѣстностей и быть столь же разнохарактерны, какъ разнообразна природа нашего отечества.

Мысль о подобныхъ школахъ, мысль не новая. — Попечительное правительство уже положило начало къ ея осуществленію, и результаты вполне оправдываютъ ожиданія.

Сравните крестьянъ удѣльнаго вѣдомства съ крестьянами государственными, и если найдете въ этомъ сравненіи

слишкомъ рѣзкую и замѣтную разницу въ ихъ благосостояніи, то, кромѣ системы управленія, кромѣ улучшенія хозяйства, прицѣпите ее также и водворенію ремесль въ средѣ крестьянъ удѣльныхъ. Чтобы дать понятіе о значеніи промышленнаго образованія и о вліяніи его на развитіе народнаго богатства, намъ достаточно привести слѣдующія цифры.

До 1828 года бытъ удѣльныхъ крестьянъ и состояніе ихъ хозяйства были почти тѣже, что и крестьянъ государственныхъ. Не было ни ремесленныхъ школъ, ни образцовыхъ усадьбъ, ни другихъ заведеній къ народному образованію; удѣльный капиталъ считался тогда въ 3721,000 руб. и недоимкою на крестьянахъ въ 937,000 руб. Къ 1843 году въ вѣдомствѣ удѣловъ находились учрежденія:

1) Земледѣльческое училище, основанное съ 1832 года и воспитавшее въ теченіи десяти лѣтъ, изъ 700 крестьянскихъ дѣтей, 157 воспитанниковъ.

2) Землемѣрское училище, основанное съ 1828 года и давшее 40 землемѣровъ.

3) 16 ремесленныхъ школъ, въ которыхъ обучалось ежегодно слишкомъ по 300 крестьянскихъ мальчиковъ;

и 4) 50 образцовыхъ усадьбъ, въ которыхъ къ 1843 году считалось 157 хозяевъ и до 100 учениковъ.

Число душъ удѣльнаго вѣдомства къ этому времени считалось 761,955 мужскаго и 841,219 женскаго пола, а всего 1,603,174 души.

Считая $\frac{1}{24}$ часть мужскаго населенія способною къ обученію, а эта цифра очень умѣренная (1), не трудно рас-

(1) Въ Австріи—время ученія полагается съ 6—13 лѣтняго возраста, въ Пруссіи съ 6—14 лѣтняго, и въ первой считается способною къ обученію $\frac{1}{8}$ часть народонаселенія, во второй $\frac{1}{6}$.

числить, что на каждую изъ 16 ремесленныхъ школъ приходилось бы ежегодно почти по 2000 учащихся и на каждую изъ 50 образцовыхъ усадьбъ по 600 учениковъ, и заключить, что вышесказанныя нами учрежденія къ народному образованію не удовлетворяли вполнѣ потребности, а были только началами мѣры, и, несмотря на то, результаты поразительны. Къ 1843 году удѣльный капиталъ былъ равенъ 11649000 руб. серебромъ (хотя было израсходовано сверхъ росписанія 6526000); съ ежегоднымъ доходомъ въ 3320000 руб. сер., недоимки на крестьянахъ не было, на оборотъ, они имѣли уже свой капиталъ, который, сверхъ расходовъ въ 3075000, былъ равенъ 1086000 руб. серебромъ.

Вотъ, что сдѣлало въ 14 лѣтъ разумное управленіе, улучшеніе сельскаго хозяйства и водвореніе ремеслъ!

Изъ отчета г. министра удѣловъ за 1855 годъ видно, что къ 1 января 1856 года населеніе состояло изъ 1760155 душъ (т. е., въ 13 лѣтъ, прибыло отъ размноженія и покупки 156981 душа). Капиталъ удѣльный къ тому же времени былъ равенъ 12981104 руб. 71 коп. (этотъ капиталъ за 1854 годъ состоялъ изъ 11908275 руб. 82¼ коп.), съ доходомъ въ 3351363 руб. 87 коп.; крестьянскій капиталъ къ 1855 году былъ равенъ 2028282 руб. 83¾ коп., а къ 1856 году 1425224 руб. 47½ коп.

Сравнивая эти цифры съ предъидущими, нельзя не замѣтить, что, не смотря на 13 лѣтъ разстоянія, разница между ними незначительна, а принимая въ соображеніе, что съ 1853 по 1856 годъ введенныя учебныя заведенія остались почти въ томъ же числѣ, видѣ и размѣрѣ, за весьма немногими исключеніями, нельзя не заключить, что принятыя мѣры сдѣлали свое дѣло и достигли максимума своихъ результатовъ.

Глубоко сознавая, однакоже, какъ велика связь между народнымъ благосостояніемъ и степенью промышленнаго образованія, мы должны высказать наше искреннее желаніе болѣе широкаго круга дѣйствій уже введенныхъ учреждений и самаго ихъ размноженія,

Не говоря здѣсь о всѣхъ мѣрахъ, принятыхъ въ ведомствѣ удѣловъ, къ развитію промышленнаго образованія крестьянъ, коснемся, хотя и слегка, ремесленныхъ школъ.

Намъ случилось слышать отъ нѣкоторыхъ, весьма образованныхъ, впрочемъ, лицъ, которымъ ходъ удѣльнаго хозяйства, хотя и необщій, долженъ быть хорошо извѣстенъ, мнѣніе, что ремесленные школы въ настоящее время совершенно почти бесполезны.

Мнѣніе это основано на томъ, что число школъ очень ограничено, не болѣе 19 на 1760000 населенія, что въ нихъ, за немногими исключеніями, обучаютъ по преимуществу мастерствамъ шубному, столярному, тележному, колесному и токарному, которыя и безъ того уже извѣстны крестьянамъ каждой деревни удѣльнаго вѣдомства. Въ этихъ словахъ слышна истина, а съ ней и новое доказательство того, что ремесленные школы, въ настоящемъ составѣ, сдѣлали все, что могли сдѣлать; принесли всю ожидаемую пользу, научивъ крестьянъ ремесламъ, удовлетворяющимъ ихъ внутренней потребности.

Но чтобы польза эта была существеннѣе, чтобы школы научили крестьянъ болѣе значительной и разнообразной заработкѣ, необходимо, строго сообразуясь съ условіями мѣста, обучать поселянъ мастерству, уже не какъ покрывающему только мѣстную нужду населенія, но какъ дающему предметы торговли. Въ этомъ случаѣ составъ школъ требуетъ измѣненія, и ежели изъ нынѣ введенныхъ статей обученія нѣкоторыя и должны удержаться, то для нихъ

равно какъ и для вновь вводимыхъ, необходимо водвореніе современныхъ усовершенствованій, и одного найма мастеровъ, по обыкновенію обученныхъ въ тѣхъ же школахъ, далеко недостаточно, потому что при такомъ порядкѣ искусство и знаніе не выйдутъ изъ уровня дотолѣ существовавшаго.

Для водворенія, слѣдовательно, усовершенствованій и нововведеній, кромѣ мастеровъ, нужны научно и болѣе разносторонно образованные люди, нужны технологи, которые бы, имѣя въ завѣдываніи одну или даже нѣсколько школъ, могли быть двигателями ремесленного образованія, если можно только такъ выразиться.

Но одной этой мѣры къ развитію ремеслъ еще недостаточно. Отлично окончившимъ курсъ ремесленной школы необходимо дать тѣже льготы и пособія, какими пользуются хозяева образцовыхъ усадебъ (воспитанники земледѣльческаго училища) и тогда можно надѣяться, что они столько же будутъ содѣйствовать примѣромъ и обученіемъ принимаемыхъ учениковъ развитію ремеслъ, сколько способствуютъ успѣхамъ земледѣлія вышепомянутые хозяева. Одного знанія для практики мало: безъ матеріальныхъ средствъ, какъ говорится, нечѣмъ будетъ взяться самому лучшему мастерскому; а тутъ еще нужно вспомнить, что таланты и деньги всего чаще даются въ удѣлъ людямъ порознь.

Но, увлекшись желаніемъ благъ удѣльнымъ крестьянамъ, мы не сказали еще ничего о 19 милліонахъ, слишкомъ, населенія, состоящаго въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ, населенія не менѣе способнаго къ ремесленной промышленности и несравненно болѣе въ ней нуждающагося.

Неразвитые въ промышленной жизни, почти исключи-

тельно занятые земледѣліемъ и скотоводствомъ, мѣстами только знакомые съ ремеслами, государственные крестьяне далеко не выдержатъ сравненія съ крестьянами удѣльнаго вѣдомства.

Лучшимъ и самымъ вѣрнымъ мѣриломъ благосостоянія въ этомъ случаѣ можетъ служить степень исполненія государственныхъ повинностей.

Для уясненія дѣла, мы приведемъ вѣдомость о поступленіи податей по министерству государственныхъ имуществъ за истекшія 13 лѣтъ, т. е. съ 1843 по 1856 годъ.

ВЪДО

О ПОСТУПЛЕНИИ ПОДАТЕЙ ПО ВЪДОМСТВУ ГОСУДАР

СЛѢДОВАЛО ПОСТУПИТЬ

	Недоимокъ прежнихъ лѣтъ.		Оклада.		Итого.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
1843 годъ	21407714	71 ³ / ₄	25182610	16	46590324	87 ³ / ₄
1844 —	22584426	12 ³ / ₄	25230588	28 ³ / ₄	47815014	14 ¹ / ₂
1845 —	22697881	73 ¹ / ₂	25202252	54	47900134	27 ¹ / ₂
1846 —	24157528	7 ³ / ₄	25440218	18 ³ / ₄	49615746	26 ¹ / ₂
1847 —	24380208	57 ¹ / ₂	25337683	41 ³ / ₄	49717892	7 ¹ / ₄
1848 —	24150882	55 ³ / ₄	25287795	28 ¹ / ₄	49438677	84
1849 —	26146177	6 ³ / ₄	25317296	59 ¹ / ₂	51463473	66 ¹ / ₄
1850 —	27033287	57 ¹ / ₄	25395997	78	52429285	35 ¹ / ₄
1851 —	27315972	8 ¹ / ₂	26078955	34	53394927	42 ¹ / ₂
1852 —	27549041	49 ¹ / ₂	27473142	67 ¹ / ₄	55022184	17
1853 —	26224906	55 ¹ / ₂	27279018	97 ³ / ₄	53503925	53 ¹ / ₄
1854 —	25927203	95	27541229	62	53468433	57
1855 —	18625357	81	27376194	16 ¹ / ₄	46001551	97 ¹ / ₄

МОСТЬ

СТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ СЪ 1843 ПО 1856 ГОДЪ.

ПОСТУПИЛО

Недоимки.		Оклада.		Итого.		Осталось въ недоимкѣ.	
Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
1678918	89	22603753	23 ¹ / ₄	24282672	12 ¹ / ₄	22307652	75 ¹ / ₂
1591087	61 ³ / ₄	23270130	82 ¹ / ₂	24861218	44	22953795	97 ¹ / ₂
1103551	68 ³ / ₄	22837148	46 ¹ / ₄	23940700	15	23959434	12 ¹ / ₄
				24993736	17 ¹ / ₂	24622010	9
1495786	87 ¹ / ₂	23965361	81 ¹ / ₄	25461148	68 ³ / ₄	24256743	38 ¹ / ₂
1115862	40	22368023	85	23483885	95	25954791	89
1326578	49 ³ / ₄	22927273	86 ³ / ₄	24253852	36 ¹ / ₂	27209621	29 ³ / ₄
1639132	84 ¹ / ₂	23147349	14	24786481	98 ¹ / ₂	27642803	36 ³ / ₄
1258285	35	24025890	81 ¹ / ₂	25588556	80 ¹ / ₂	27806370	62
		на 1852 г.		77568	69		
				25666125	49 ¹ / ₄		
1595270	31 ¹ / ₂	26716671	68 ¹ / ₄	28310941	99 ³ / ₄	26711242	17 ³ / ₄
		на 1853 г.		88156	79 ¹ / ₄		
				28399098	79		
801004	44	26415832	30 ¹ / ₄	27216836	74 ¹ / ₂	26074741	65
зачт. за хлѣб.		зачт. за хл.		212347	13 ³ / ₄		
212347	13 ³ / ₄			27429183	88 ¹ / ₂		
		на 1854 г.		175483	20		
730513	73	25794300	17 ¹ / ₄	26524813	90 ³ / ₄	26781940	18 ³ / ₄
за хлѣбъ.				161679	47 ¹ / ₂		
161679	47 ¹ / ₂	на 1855 г.		89028	20		
679607	14	24131170	96 ³ / ₄	24820778	10 ³ / ₄	21147113	61
за хлѣбъ.				33660	25 ¹ / ₂		
33660	25 ¹ / ₂	на 1856 г.		239925	1 ¹ / ₄		

Изъ этой таблицы, конечно, можно было бы вывести много интересныхъ заключеній, но для насъ важно то, что на государственныхъ крестьянахъ лежитъ огромная цифра недоимки, доходщая до 1 р. 40 к. на душу поголовно, и при томъ недоимки неумещающейся, но болѣе и болѣе возрастающей и изъ 21 милліона (состоявшаго за крестьянами въ 1843 году), дошедшей почти до 27 милліоновъ къ 1855 году (*). Важно и то заключеніе, что и цифра дѣйствительнаго, возможнаго для крестьянъ, взноса, мало измѣнчива, и въ теченіи показанныхъ 13 лѣтъ упорно держалась между 24 и 26 милліонами рублей (за исключеніемъ только 1852 года), такъ что средняя постоянная цифра вносимыхъ денегъ должна быть принята въ 25 милліоновъ или 1 р. 30 к. на душу. Ясно, что меньшимъ числомъ нельзя покрыть большее; но ясно также и то, что при настоящемъ положеніи, при настоящихъ средствахъ дохода, государственные крестьяне не могутъ, не въ состояніи выработать столько, чтобы жить безбѣдно и быть исправными плательщиками казны. Намъ ясно еще и то, что съ одними сельско-хозяйственными занятіями, при низкой, правильнѣе сказать, спорченной цѣнѣ на всѣ почти наши сырые продукты, не смотря на мѣры, за которыя нельзя не отдать должной признательности департаменту сельскаго хозяйства, государственный крестьянинъ не выйдетъ изъ грустнаго положенія должника. Въ странѣ, гдѣ полгода обречены климатомъ на отдыхъ сельскому хозяйству, нужно пріискать еще другое дѣло, поддержать и развить другія статьи промышленности, а именно: ремесла и торговлю. А что мы

(*) Мы не взяли цифръ за 1855 годъ, потому что въ недоимкѣ къ 1855 году и недоимкѣ поступившей на этотъ годъ разница въ 8 милліонахъ слишкомъ,

правы, лучшимъ доказательствомъ могутъ служить тѣже вѣдомости о податяхъ, изъ которыхъ не трудно замѣтить, что въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ ремесла и торговля развиты замѣтно, недоимки ничтожны; какъ напр. во владимірской, костромской и нѣкоторыхъ другихъ.

В Водвореніе и развитіе ремеслъ необходимо для поправленія народнаго богатства и лучшая мѣра въ этомъ случаѣ опять таки обученіе, вліяніе на новое поколѣніе. Впрочемъ изъ отчета за 1855 годъ г. министра государственныхъ имуществъ видно, что въ этомъ году обучалось у разныхъ мастеровъ болѣе 50 т. крестьянъ. Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать ни объ ученіи, ни о мастерахъ, которымъ отдають крестьяне своихъ дѣтей; и ежели эти мастера—городскіе ремесленники, то едвали такая мѣра будетъ вполнѣ благотворна, потому что, какъ увидимъ ниже, крестьянскій мальчикъ, въ большей части случаевъ, усваиваетъ въ городѣ гораздо болѣе пороковъ, чѣмъ искусства. А ежели нѣкоторые изъ нихъ и перенимають, какъ говорятъ, науку, то тѣ рѣдко возвращаются домой, по обыкновенію же остаются въ городахъ и числятся бобылями. Намъ кажется, что подражаніе крестьянамъ удѣльнымъ, обученіе въ правильно организованныхъ ремесленныхъ школахъ, было бы самымъ вѣрнымъ путемъ къ достиженію цѣли.

Мы не будемъ говорить здѣсь о крестьянахъ помѣщичьихъ, судьба которыхъ и благосостояніе лежатъ на долгѣ и совѣсти ихъ владѣльцевъ; но не можемъ умолчать однакоже о томъ, что ремесленные школы въ частныхъ имѣніяхъ составляютъ явленіе крайне рѣдкое. Ежели гг. помѣщики и имѣють своихъ столяровъ, кузнецовъ, портныхъ и пр., ежели и отдають крестьянъ на обученіе городскимъ мастерамъ, то все это ограничивается только кругомъ ихъ

дворни, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе увеличивающейся, рѣдко занятой трудомъ и весьма часто составляющей неприятное и тяжелое бремя для ихъ господина. Изъ этого круга ремесло не переходитъ въ бытъ собственно крестьянскій; а жаль, потому что, повторимъ еще разъ, водвореніе ремеслъ увеличило бы заработку, улучшило бы положеніе крестьянина, съ благосостояніемъ котораго такъ тѣсно связано и благосостояніе самого помѣщика. И въ этомъ случаѣ учрежденіе школъ, ежели непосильное для отдѣльныхъ лицъ, то въ товариществѣ помѣщиковъ сосѣдей, или даже въ соглашеніи съ окрестными государственными крестьянами, принесло бы несомнѣнную обоюдную пользу, правда, не скорую, но за то вѣрную, которую съ признательностію оцѣнить потомство.

Простите, мм. гг., если я утомилъ вниманіе ваше интересами русскаго крестьянина, заслуживающими гораздо болѣе подробнаго изложенія, какъ предметъ лежащій въ основѣ народнаго благосостоянія; но програма моей темы позволила мнѣ только слегка коснуться одной стороны промышленной жизни, именно ремесленности и прійти къ убѣжденію въ необходимости водворенія и развитія ремеслъ въ быту сельскомъ, какъ подмогъ сельскому хозяйству, какъ занятію устраивающему лѣнь въ длинный періодъ зимы, и какъ средству къ заработкѣ, а съ ней и улучшенію семейнаго положенія. Тоже убѣжденіе говоритъ мнѣ, что лучшее и вѣрнѣйшее средство въ этомъ случаѣ—ремесленныя школы, съ развитіемъ которыхъ устранятся мало по малу и тѣ неблагопріятныя черты, которыя слишкомъ замѣтны теперь въ нашей сельской ремесленности; исчезнетъ и характеръ особняка, приложится полный трудъ къ мѣстной природѣ, измѣнится конкуренція и пойдетъ впередъ искусство и знаніе.

Городскія ремесла, по цифрѣ производимаго продукта, должны занимать второе мѣсто въ отечественной ремесленной промышленности, какъ удовлетворяющія потребность меньшинства населенія, потребность хотя и болѣе сложную сравнительно съ нуждами крестьянина.

Разнообразность запроса горожанъ обуславливаетъ и разнообразіе ремесленной промышленности городской, въ чемъ заключается и первое отличіе ея отъ ремесленности сельской, несущей, какъ мы видѣли, болѣе или менѣе, характеръ особняка. Въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ городѣ есть свои столяра, токари, маляры, экипажные мастера, портные, сапожники и пр. и съ трудомъ найдется нѣсколько примѣровъ такихъ ремеслъ, которыя бы характеризовали собою мѣстность. Но, кромѣ этой разницы, есть еще болѣе огромное различіе въ самой личности ремесленниковъ.

Сельскій житель, по обыкновенію, видитъ въ ремеслѣ второстепенную статью своихъ занятій, которому отдаетъ онъ свободную зиму и часы досуга лѣтомъ. Его главнымъ дѣломъ остается все-таки сельское хозяйство, къ которому перестаетъ онъ прилагать личный трудъ только тогда, когда находитъ болѣе выгоды замѣнить себя наемнымъ рабочимъ. Для ремесленника городского—ремесло, въ большей части случаевъ, составляетъ главный единственный источникъ дохода, а потому и постоянный предметъ его занятій. Его руки, прилагаемая безъ прерыва къ одному и тому же труду, получаютъ болѣе навыка и искусства, и вотъ одна изъ причинъ, почему это послѣднее въ ремесленности городской стоитъ постоянно выше противу сельской. Я сказалъ—одна изъ причинъ, потому что есть другія, не менѣе, если не болѣе, важныя. Въ городахъ гораздо болѣе условій къ развитію искусства, болѣе примѣровъ для подражанія, болѣе средствъ къ наученію; въ

городахъ самая конкуренція правильнѣе, въ слѣдствіе разборчивости и требовательности потребителей, часто съ заказомъ вносящихъ въ мастерскую ремесленника и самое усовершенствованіе, которому еще содѣйствуетъ такъ много поселеніе въ городахъ провинціальныхъ ремесленниковъ столичныхъ, а также иностранцевъ.

Но, кромѣ условій благопріятныхъ развитію искусства, есть еще другія обстоятельства, дающія городскимъ ремесламъ значительныя преимущества надъ сельскими. Сосредоточенность разнородныхъ ремеслъ обуславливаетъ тѣсную связь между производителями, устраняя затрудненія при взаимной послугѣ, позволяя принимать большіе и разнообразныя заказы и дѣлиться трудомъ, а съ нимъ и заработкомъ другъ съ другомъ. Каждый столяръ всегда имѣетъ своего знакомаго токаря, рѣзчика, маляра; экипажный мастеръ пріятеля кузнеца, обойщика и пр. Удобствъ этихъ сельское ремесло не имѣетъ. Но къ главнѣйшимъ выгодамъ городской ремесленной промышленности должно отнести отсутствіе посредниковъ, всегда выгадывающихъ время и различныя обстоятельства для дешевой оцѣнки труда, и скорое вознагражденіе работы, въ слѣдствіе прямыхъ сношеній съ потребителями производителей, по большей части работающихъ по заказу. Всего этого лишены сельскіе ремесленники, и этимъ-то объясняется, почему имъ не удается наживать такихъ капиталовъ, какіе часто видимъ у ремесленниковъ городскихъ; почему эти послѣдніе, не смотря на сравнительную дороговизну городской жизни, живутъ лучше, не носятъ лаптей и смураго кафтана, ѣдятъ сытно, пьютъ чаще чай и водку.

Благодаря этимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, наша городская ремесленная промышленность развивается несравненно быстрѣе сельской, въ особенности въ нашихъ сто-

лицахъ, гдѣ многолюдство обуславливаетъ постоянно сильный запросъ на ремесленные издѣлія.

Конечно отъ другихъ городовъ нашего обширнаго отечества, гдѣ народонаселеніе увеличивается несравненно медленнѣе, гдѣ часто, при избыткѣ средствъ, многое изъ мѣстныхъ ремеслъ обѣгается и выписываются издѣлія столичные, нельзя ожидать столь же быстрыхъ успѣховъ, но тѣмъ не менѣе повторимъ, что городское ремесло, по выгоды своей, привлекаетъ много охотниковъ къ занятію, не только изъ среды мѣщанскаго городского сословія, но и изъ окрестныхъ деревень, какъ государственныхъ, такъ и помѣщичьихъ. Такимъ образомъ нельзя отнять у городской ремесленности нѣкотораго вліянія и на ремесленную промышленность сельскую и, въ тоже время, не сознаться, что, къ сожалѣнію, вліяніе это не столь велико и обширно, а главное не столь благотѣльно, каковымъ бы могло быть и какимъ бы желалось его видѣть.

Мудрое правительство наше давно уже смотритъ на города, какъ на источники промышленнаго образованія, и со временъ Петра I положено въ Россіи начало цехамъ, получившимъ при Екатеринѣ II болѣе правильное устройство, дополненное и отчасти измѣненное въ 1850 годахъ. По смыслу благотѣльныхъ узаконеній цехъ имѣетъ значеніе школы. Цеховой мастеръ, получившій по испытанію отъ управы свидѣтельство на званіе, получаетъ съ нимъ право брать учениковъ, и принимаетъ на себя, слѣдовательно, не легкое дѣло наставника; не легкое потому, что кромѣ обученія мастерству, и по закону и по долгу совѣсти, на немъ лежитъ еще обязанность нравственнаго образованія принятаго ученика.

Сколько же должно быть чести и личной нравственности въ самомъ цеховомъ мастерѣ для исполненія этихъ обязан-

ностей? И вотъ, здѣсь-то лежитъ первый камень преткновенія къ тѣмъ благотворнымъ результатамъ, къ которымъ могли бы привести цехи. Конечно, зло закономъ предвидѣно и званіе цеховаго мастера должно бы выдаваться ремесленникамъ доброй нравственности, пробывшимъ не менѣе 3 лѣтъ въ подмастерьяхъ, получившимъ хорошіе аттестаты отъ мастеровъ хозяевъ и, наконецъ, выдержавшимъ испытаніе въ цеховой или ремесленной управѣ.

Но, къ сожалѣнію, эта коренная, главная статья цеховаго благоустройства рѣдко исполняется во всей ея строгости; по обыкновенію, соблюдается одна форма на бумагѣ, и только этимъ можно объяснить себѣ, отъ чего, при столь строгихъ и мудрыхъ узаконеніяхъ, такъ много встрѣчается въ нашихъ цехахъ людей безъ чести, пьяницъ, а не рѣдко, если уже не очень часто, мало искусныхъ въ своемъ дѣлѣ и ведущихъ его только трудами подмастерьевъ и учениковъ? Чему же могутъ научиться послѣдніе въ этомъ случаѣ? Честные и хорошіе подмастерья у такого хозяина рѣдки, а тѣ, которыхъ онъ имѣетъ, стараются его обкрадывать, дѣлаютъ къ тому причастниками учениковъ, съ которыхъ за то не взыскиваютъ лѣни и нерадѣнія, и въ результатѣ выходитъ, что въ такой наукѣ ложка меду и кадка дегтю.

Но, кромѣ высказаннаго зла, которое, впрочемъ, можетъ быть устранено строгимъ исполненіемъ закона, должно упомянуть еще объ обстоятельствахъ, ускользающихъ отъ его вліянія. Наши цеховые ремесленники принимаютъ учениковъ или изъ платы, или изъ одежды и пищи, во всякомъ случаѣ по контракту. Въ первомъ случаѣ поступаютъ къ нимъ, по обыкновенію, дворовые люди помѣщиковъ и дѣти зажиточныхъ мѣщанъ, во второмъ сироты, бѣдняки

изъ мѣщанскаго сословія и крестьянскіе мальчики, и эта группа составляетъ большинство учащихся.

Но, принимая къ себѣ учениковъ, по тому или другому условію, рѣдкій изъ цеховыхъ на столько честенъ, чтобы смотрѣть на него, не какъ на своего работника. Здѣсь личный интересъ хозяина впереди всего, въ особенности, когда онъ не получаетъ за ученика никакой платы, и, говоря по совѣсти, за весьма немногими исключеніями, въ нашемъ русскомъ цеху нѣтъ учениковъ, а есть молодые неопытные работники, объ ученіи которыхъ никто не заботится; учишь и перенимай, какъ знаешь; подмастерье самъ рабочій человекъ и учитъ ему нѣкогда — да и матеріалъ хозяйскій, за порчу котораго взыскивается. И такимъ-то образомъ, по окончаніи срока, отъ цеховаго выходятъ или недоучки (недоросли), знающіе часть ремесла, которой постоянно занималъ ихъ хозяинъ — или самоучки, если и научившіеся чему нибудь, то, благодаря русской смѣтливости, да праздничнымъ заработкамъ — главнымъ единственнымъ побудителямъ къ ученію въ цеховомъ быту.

Но остановимся нѣсколько на этихъ двухъ случаяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ ли въ мастерскихъ нашихъ ремесленниковъ какой нибудь правильный, обдуманый методъ обученія? Нѣтъ. Имѣетъ ли мѣсто порядокъ: приучивъ ученика послѣдовательно къ той, другой и т. д. части ремесла въ первые два, три года, ставить его на полное дѣло въ послѣдніе годы, такъ чтобы онъ умѣлъ изъ первоначальнаго матеріала произвести издѣліе? Нѣтъ. Ученикъ ставится на самую младшую работу, въ которой и остается, не смотря на успѣхи, безъ дальнѣйшаго обученія и всякаго срока, пока не смѣнится другимъ новобранцемъ. Да и можетъ ли быть иначе, когда тутъ замѣ-

шанъ интересъ хозяина? Не нанимать же ему стать, за отсутствіемъ новаго ученика, рабочаго на ту работу, на которой можетъ постоять какой нибудь Степка или Мишка, хотя бы его давно уже пора перевести на другое дѣло. Пусть поработаетъ, лучше выучится. Такимъ-то образомъ проходитъ срокъ ученья, а наука не пройдена, потому что зависитъ, какъ видите, отъ случаевъ, отъ обстоятельствъ, не обусловленныхъ ни какимъ порядкомъ, ни какой системой.

Но, если эти Степки или Мишки, парни смѣтливые, то они хотя и варятъ только клей по буднямъ у столяра, да служатъ на подмогѣ, но по праздникамъ начинаютъ помогать старшимъ ученикамъ клеить, да дѣлать разныя бездѣлушки на продажу, а тамъ и сами работать, крадучи отъ хозяина и изъ краденныхъ же хозяйскихъ припасовъ. Ученье конечно идетъ впередъ, а съ нимъ рука объ руку испорченность нравственности, ложь, воровство, а на заработанныя на нихъ деньги покупаются пороки: страсть къ орлянкѣ, картамъ, лакомствамъ, вину и многому чему прочему.

А между тѣмъ, эти праздничныя заработки могли бы быть благотѣльны въ высшей степени. Онѣ запрещаются теперь и дѣлаются по большей части тайкомъ, потому что хозяинъ подозрѣваетъ въ нихъ личный ущербъ; но будь онъ уменъ и честенъ: онъ поддержалъ бы и развилъ эти заработки, онъ самъ бы далъ нужные матеріалы, приложилъ бы свой совѣтъ и знаніе, приучилъ бы, вселяя честный трудъ, приносить къ нему вырученныя деньги на сохраненіе, или для вклада въ сберегательную кассу (1),

(1) Здѣсь нельзя не замѣтить одно странное обстоятельство: сберега-

изъ которыхъ вычтя добросовѣстно ему причитающееся, давъ бы пожалуй пемного и на невинное удовольствіе, помогъ бы ученикамъ скопить что нибудь на черный день, на подмогу семьѣ, или на первое обзаведеніе по окончаніи ученья. А теперь выручаемыя деньги сбываются съ вредомъ, потому что держать или имѣть ихъ не приводится: хозяинъ узнаетъ (1). Вотъ бы что могло выйти, и больно, что у насъ — честныхъ, умныхъ, понимающихъ свое значеніе цеховыхъ слишкомъ мало.

Что сказать теперь о мѣрахъ къ измѣненію изложеннаго порядка? Самое строгое, самое добросовѣстное исполненіе закона цеховыми и ремесленными управами должно стоять на первомъ планѣ, потому что послабленіе его развиваетъ зло, пускающее корни не въ одно настоящее, но въ будущее — въ новое молодое поколѣніе. Къ этому убѣжденію нельзя не присоединить нѣсколькихъ желаній, легко исполнимыхъ мѣрами мѣстныхъ начальствъ. Первѣйшее изъ нихъ состоитъ въ введеніи правильной системы обученія учениковъ цеховыми ремесленниками, системы строго облуманной, удобопримѣнимой къ дѣлу и конечно разнообразной для разныхъ цеховъ, но во всякомъ случаѣ обязательной для принимающаго въ обученіе. Не менѣе желательно за тѣмъ, чтобы въ цеховыхъ и ремесленныхъ управахъ находились полные и подробные списки учащихся, по которымъ бы управы эти могли наблюдать за ходомъ обученія

тельные кассы, по преимуществу, учреждены для рабочаго класса, а между тѣмъ въ нашихъ губернскихъ городахъ онъ весьма мало участвуетъ своими вкладами; вкладчики почти исключительно люди другаго сословія.

(1) И здѣсь есть затрудненія: приемъ въ сохранныхъ кассахъ по обыкновенію будничныи, съ 9 до 12 часовъ утра — время не удобное для рабочаго.

и повѣрять годичныя вѣдомости цеховыхъ ремесленниковъ о степени успѣха и благоправія находящихся у нихъ учениковъ, введеніе которыхъ было бы крайне полезно. Въ самомъ дѣлѣ, теперь, при настоящемъ ходѣ дѣла, управамъ только извѣстны имена учащихся, да и то не вездѣ и не всегда; но что дѣлаютъ эти ученики, чѣмъ занимаются, успѣваютъ или нѣтъ, все покрыто мракомъ неизвѣстности, все предоставлено добросовѣстности цеховаго ремесленника, добросовѣстности, какъ мы видѣли, слишкомъ шаткой. При недостаткѣ общественнаго мнѣнія, въ особенности въ этомъ сословіи, гдѣ убѣжденія основываются по преимуществу не на правилахъ нравственности, но на грубомъ и невѣжественномъ эгоизмѣ и расчетѣ, подобный надзоръ людей избранныхъ становится ощутительно нужнымъ.

За тѣмъ нельзя не пожелать, чтобы по окончаніи срока ученя, дѣло не заканчивалось одними аттестатами, выдаваемыми ученикамъ хозяевами, аттестатами, въ которыхъ правда рѣдко пишется. Было бы желательно, чтобы, сверхъ таковыхъ аттестатовъ, ремесленные цеховые были обязаны представлять въ цеховую управу окончившихъ ученье воспитанниковъ, которые бы, по назначенію управы, поступали на испытаніе, на нѣсколько дней, къ извѣстному ей по искусству и честности цеховому, гдѣ бы ученикъ могъ показать свое знаніе и приготовить какое нибудь издѣліе. Въ тоже время было бы совершенно не лишнимъ, ежели бы управы имѣли при каждой части города особые журналы для записки всѣхъ предосудительныхъ поступковъ, въ которыхъ замѣчены полиціей ремесленные ученики. На основаніи собранныхъ свѣдѣній, отзывовъ хозяина и цеховаго испытателя, а также и на приготовленномъ издѣліи, цеховая управа могла бы дать вѣрную аттестацію обучен-

ному ремесленнику и выдать ему свидѣтельство на званіе подмастерья или ремесленнаго работника, сообразно его успѣхамъ и благоправію. Этой мѣрой достигалась бы двойная цѣль: съ одной стороны выяснялась бы степень добросовѣстности обученія, со стороны хозяевъ, за отсутствіе которой было бы полезно наложить послѣдовательно штрафы, а за ними и запрещеніе приѣма учениковъ—мѣра при настоящемъ положеніи крайне даже нужная; съ другой искоренились бы мастера и подмастерья плохо знающіе свое дѣло, — они до тѣхъ поръ оставались бы ремесленными работниками, пока новое испытаніе не дало имъ званія подмастерья, а потомъ и мастера.

Наконецъ, говоря о городской ремесленной промышленности, нельзя не пожелать учрежденія особаго цеховаго капитала, для поощренія лучшихъ учениковъ и подмастерьевъ. Въ слишкомъ юный періодъ нашихъ городскихъ ремеслъ такое поощреніе было бы весьма умѣстно и принесло бы, безъ сомнѣнія, самые благодѣтельные результаты.

Конечно, на всѣ мѣры, изложенныя нами, должно смотрѣть, какъ на средства временныя, необходимыя при настоящемъ положеніи ремеслъ; въ послѣдствіи, когда ремесленная промышленность разовьется и укрѣпится на прочномъ основаніи, когда водворятся по городамъ школы реальныя, самые цехи окажутся излишними и уступятъ мѣсто полной свободѣ конкуренціи.

Этимъ, милостивые государи, я заканчиваю мой очеркъ современнаго состоянія и нуждъ ремесленной промышленности, очеркъ, въ которомъ мѣсто и время заставили меня ограничиться самыми бѣглыми чертами и намеками; за тѣмъ позволяю себѣ обратить ваше вниманіе на промышленность заводскую и фабричную.

Та и другая, во многомъ существенно различныя, во многомъ имѣютъ столько общаго, что я позволяю себѣ дать имъ и общій очеркъ.

Заводы и фабрики пользуются болѣе завиднымъ положеніемъ, несравненно лучшею обстановкою, противу различныхъ отраслей ремесленной промышленности. Сосредоточенныя въ рукахъ небольшого числа лицъ, обладающихъ часто весьма значительными капиталами, пользующихся кредитомъ, обеспеченныхъ извѣстными охранительными тарифомъ, они имѣютъ все благопріятныя условія — къ выгоднымъ оборотамъ. И этой-то выгоды должно приписать быстрое развитіе нашей заводско-фабричной промышленности въ послѣдніе 30—25 лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ 1822 года число нашихъ заводовъ и фабрикъ начало сильно увеличиваться и изъ 6000, считавшихся въ 1827 году, съ 300000 рабочихъ возрасло къ 1855 слишкомъ до 10000, занимая до 500000 рабочихъ рукъ; а это цифры только приблизительныя и безъ сомнѣнія меньшія противу дѣйствительности.

Но, приведя высказанныя цифры, мы должны порадоваться не столько покрытію нашихъ нуждъ собственными отечественными средствами, не столько умноженію капитала гг. русскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ, умноженію не рѣдко ощутительному для потребителя, сколько увеличенію средствъ къ заработкѣ въ сферѣ бѣднѣйшаго сословія въ Россіи. Въ этомъ смыслѣ, по преимуществу, мы считаемъ значеніе фабрикъ и заводовъ крайне важнымъ для государства — и что бы ни говорили тѣ, которые обрекаютъ русскую промышленность исключительно на одни только сырые продукты, мы не можемъ, думаю и не должны, согласиться съ ихъ доводами и убѣжденіями.

Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе этого вопроса, къ со-

жалѣнію, для нѣкоторыхъ еще спорнаго, какъ не подходящаго къ программѣ моей темы, я остановлюсь на значеніи заводско-фабричной промышленности.

Наши фабрики и заводы, усиленно дѣйствующія только зимою и нерѣдко совершенно останавливаемыя лѣтомъ, работаютъ исключительно трудомъ крестьянъ, доставляя такимъ образомъ занятіе въ праздное для нихъ время — длинную русскую зиму. Приносимая польза здѣсь велика и разностороння: трудъ устраняетъ лѣнь и неразлучные съ ней пороки, развиваетъ челоука морально — и фабричный по смысленности, стоитъ на столько же выше, какъ и ремесленникъ, если не болѣе, противъ простаго хлѣбопашца. Наконецъ, трудъ доставляетъ заработку, на фабрикахъ и заводахъ по большей части благодарную, дающую средства уплачивать подати, не собирая милостыни, не умаливая прохожихъ туреньемъ подушныхъ, не прибѣгая къ обману съ пожарами и проч. и проч. Заработка эта столь достаточна, что позволяетъ внести улучшения и въ бытъ семейный, улучшения, съ которыми такъ тѣсно связано моральное и физическое развитіе членовъ семьи и въ особенности новаго поколѣнія. Таже заработка даетъ и средства къ улучшенію сельскаго хозяйства — и у фабричнаго, хотя онъ и не проводитъ зимы на печи, да на заведенкѣ въ разсужденіяхъ объ озимяхъ, о будущихъ яровыхъ и пр., въ разсужденіяхъ бесплодныхъ, хозяйство всегда идетъ лучше, — у него и скота больше, и орудія исправнѣе, и во время помощь слѣлана и рабочіе наняты; у него часто и земля сосѣдняя снята.

Прибавьте къ этому еще, что съ пользой проведенная зима даетъ средства избавиться безвыгодной продажи своихъ сельскихъ продуктовъ и выждать для сбыта ихъ болѣе благопріятное время.

Вотъ что значить, милостивые государи, заводская или фабричная заработка для крестьянина, и изъ сдѣланнаго мною очерка не трудно заключить, что чѣмъ болѣе будетъ такихъ заработокъ въ Россіи, т. е. чѣмъ болѣе будетъ въ ней заводовъ и фабрикъ, тѣмъ скорѣе пойдетъ впередъ самое сельское хозяйство, тѣмъ скорѣе разовьется народное благосостояніе, а съ нимъ явится большій запросъ на многіе сельскохозяйственные продукты, цѣна которыхъ непременно тогда повысится и обработка которыхъ будетъ уже не безвыгодна.

Говоря о сельскихъ ремеслахъ, я высказывалъ почти ту же мысль; но между ремесленникомъ и фабричнымъ большая разница. Послѣдній за чистый трудъ получаетъ и чистыя деньги, безъ всякихъ хлопотъ, случайностей, неудачъ, ошибочныхъ расчетовъ и проч.; на заботѣ же ремесленника, какъ мы видѣли, лежитъ въ большей части случаевъ, кромѣ труда, покупка матеріаловъ и сбытъ издѣлія, часто связывающіе его до крайностей. А тутъ являются еще посредники, доброжелательные только къ своей личности, не рѣдко дающіе за издѣліе 2—3% барыша и выручающіе на немъ потомъ 15—20 и болѣе процентовъ. Быть же производителемъ и торгашемъ, въ одно и тоже время, нѣтъ возможности. Не упоминаю уже о тѣхъ промыслахъ, которыми мы не занялись въ настоящемъ случаѣ, на прим.: объ извозничествѣ, бурлачествѣ, и проч., гдѣ часто членъ семьи оставляетъ ее изъ простаго расчета—избавить лишняго желудка.

Все это приводитъ къ тому заключенію, что заводско-фабричная промышленность имѣетъ болѣе благотѣльное вліяніе на народное благосостояніе, чѣмъ сельско-ремесленная, для которой нужны слишкомъ большія и глубокія перемѣны въ существующемъ порядкѣ отношеній, чтобы

она была столь же плодотворна. Нужно, чтобы жаръ каждый загребалъ собственными руками, а это легко сказать и трудно сдѣлать. Къ сожалѣнію, обезьяны съ каштанами у насъ на каждомъ шагу.

Высказавъ главнѣйшую сторону значенія заводско-фабричной промышленности, я коснусь теперь еще другой не менѣе важной стороны.

Заводы и фабрики, покрывая внутреннія нужды, ставятъ русскій народъ въ независимое положеніе въ отношеніи къ иностранцамъ. На это возразятъ, можетъ быть, что такое воззрѣніе отзывается кваснымъ патріотизмомъ, что для потребителя совершенно все равно купить свое или чужое, лишь бы покупаемое было дешевле, и что въ этомъ случаѣ для него значеніе отечественныхъ заводовъ и фабрикъ не очень важно. Но дальновиденъ ли этотъ взглядъ? Уроки исторіи еще слишкомъ свѣжи и памяты. Вспомните, что мы платили за сахаръ, сукна, ситцы, въ 1812 году? Когда въ Россіи не было своихъ заводовъ и фабрикъ для выработки этихъ необходимыхъ предметовъ цивилизованнаго народа, и какъ мало имѣла вліянія на цѣну тѣхъ же издѣлій послѣдняя война, именно, потому что, благодаря тарифу 1822 года, у насъ развились свои фабрики и заводы. Сколько бы милліоновъ рублей, оставшихся теперь дома—внутри государетва, пришлось отдать въ эти тяжелые и такъ три года иностранцамъ. Вотъ, еслибы мы могли вѣрить въ невозможность войны, если бы мы забыли, какъ дѣлается порохъ, какъ льются пушки, готовятся ружейные стволы и оттачивается сталь и проч., нѣтъ, этого мало, если бы силы физическія всѣхъ и каждого выровнялись и нервы человеческого организма отказались бы служить волѣ на зло ближнему, или, что еще вѣрнѣе, если бы Каинъ не убилъ изъ корыстолюбія Авеля,

тогда бы только въ промышленной жизни народовъ могъ имѣть мѣсто мирный и братски честный размѣнъ произведеній. Но намъ ли, въ нашъ ли вѣкъ звонко-монетнаго увлеченія, мечтать объ этомъ? Нѣтъ!

Съ другой стороны не сочтите меня, мм. гг., изъ числа тѣхъ поборниковъ отечественной заводско-фабричной промышленности, которые, изъ опасенія разлада Россіи съ другими государствами, готовы безропотно содѣйствовать нашимъ заводчикамъ и фабрикантамъ, а еще болѣе торговымъ людямъ, ихъ комиссіонерамъ, къ быстрому наживанію капиталовъ, покупая безусловно все то, что предлагаютъ и платя столько, сколько просятъ. Не причислите меня также къ числу тѣхъ, которые только въ постоянно запретительномъ тарифѣ видятъ возможность существованія нашихъ заводовъ и преимущественно фабрикъ (1), которые на каждое малѣйшее уменьшеніе пошлинъ на иностранные товары смотрятъ, какъ на начало разрушенія всего заведеннаго; наоборотъ, мы проникнуты убѣжденіемъ, что благоразумное и своевременное пониженіе тарифа необходимо, какъ вѣрнѣйшій путь къ развитію нашей заводско-фабричной промышленности, какъ побудительнѣйшая причина къ удешевленію и усовершенствованію русскихъ издѣлій, какъ дѣйствительнѣйшее средство выровняться въ промышленныхъ силахъ съ иностранцами.

Крайности взглядовъ всегда будутъ не вѣрны, и благоразумно мыслящій пойметъ, что для Россіи не наступило еще время свободной торговли, но прошла и пора строго-

(1) Нашей заводской промышленности, древнѣйшей и коренной въ Россіи, за небольшими исключеніями, не срашно не только пониженіе тарифа, но и самая свободная торговля; въ этомъ заключается огромное преимущество ея предъ промышленностію фабричной.

охранной системы. Нашимъ заводчикамъ и фабрикантамъ нужно только понять, въ свою очередь, что должно сдѣлать имъ самимъ, чтобы мѣры правительства, теоретически строго вѣрныя, были столь же вѣрны и на практикѣ. На это-то послѣднее обстоятельство я и позволяю себѣ обратиться теперь ваше благосклонное вниманіе, обрисовавъ предъ вами въ бѣгломъ очеркѣ современное положеніе нашей заводско-фабричной промышленности и истекающихъ изъ него нужды ея.

Взглядъ на промышленную карту Россіи объясняетъ достаточно ту неравномерность распределенія, ту непропорціональность къ населенію и пространству, которыя составляютъ общій характеръ нашей заводско-фабричной промышленности. И здѣсь мы должны повторить то-же, что сказали о распределеніи сельскихъ ремеслъ: гдѣ много, гдѣ мало, а гдѣ почти ничего. Сравните на пр. губернію московскую съ ея чуть не полутора тысячами различныхъ заводовъ и фабрикъ, дающихъ дѣло 150 т. рабочимъ, съ губерніей вятской, гдѣ наберется съ небольшимъ развѣ сотня промышленныхъ заведеній, гдѣ заводскимъ и фабричнымъ дѣломъ занято едва ли болѣе 10000 душъ,—съ губерніями пермской, казанской, оренбургской, симбирской и многими другими, не говоря уже о Сибири, о которыхъ должно сказать почти то-же самое. Да и много ли найдется у насъ губерній подобныхъ московской, владимірской, петербургской, тверской, гдѣ мануфактурная промышленность развилась особенно, гдѣ фабрики и заводы, по ограниченности пространства этихъ губерній, жмутся другъ къ другу, стѣсняя себя обоюдно во всѣхъ отношеніяхъ, какъ будто тамъ имъ и мѣсто, гдѣ тѣсно.

Но чтожь изъ этого? Очень мало хорошаго, если уже не много худаго. Для насъ на первомъ планѣ стоитъ неравно-

мѣрность распредѣленія труда, а съ нимъ и заработокъ рабочаго класса, неравномѣрность, отъ которой главнымъ образомъ зависитъ благосостояніе чернаго народа (названіе странное, но общепринятое!) въ весьма немногихъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества, и почти нищенская жизнь этого народа на большой половинѣ пространства Россіи. Но чѣмъ же виновато это большинство, что ему нельзя умѣститься на небольшомъ пространствѣ вышепоименованныхъ нами губерній, что частные капиталы затрачиваются безъ мысли объ общей пользѣ, безъ глубокаго соображенія личныхъ выгодъ, а изъ подражанія сосѣду и въ подрывъ ему?

Съ другой стороны эта сосредоточенность, правильнѣе скученность, заводовъ и фабрикъ на немногихъ и небольшихъ мѣстностяхъ неминуемо влечетъ дороговизну рукъ и топлива, а съ ними и дороговизну издѣлій. Чѣмъ же виноваты мы, — потребители, въ этомъ случаѣ? Но все это касается прошедшаго, уже сдѣланнаго; важнѣе соображенія о настоящемъ и будущемъ. Одинъ изъ умнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ нашихъ московскихъ фабрикантовъ писалъ ко мнѣ недавно, что теперь развѣ безумный заведетъ новую фабрику или заводъ въ Москвѣ. Слава Богу, что мы пришли наконецъ къ убѣжденію, что, заводя что нибудь, нужно обратить вниманіе на условія мѣста. Но дороговизна топлива и рукъ образовалась въ Москвѣ не мгновенно, а возвышалась кресцендо, и ежели никто изъ москвичей не захочетъ быть въ настоящее время, какъ выше сказано, безумнымъ, то не потому ли, что чаша испита уже, кажется, до дна, или допивается по крайней мѣрѣ. Лѣса сосновые исчезаютъ быстро, оставляя за собой березнякъ и осинникъ, и дрова заводскіе доходятъ до цѣны крайне высокой; залежи торфа скудѣютъ? и навѣрное уничтожатся

прежде, нежели поймутъ необходимость правильнаго ихъ употребленія и разработки. Теперь обратились къ хворосту, но не поздно ли? И не смотря на все это, ежели въ Москвѣ и ея уѣздахъ не возникаетъ уже новыхъ промышленныхъ заведеній, то много ли найдется такихъ заводчиковъ и фабрикантовъ, которые бы не хлопотали о новыхъ пристройкахъ, о прибавкѣ нѣсколькихъ паровыхъ силъ и о прочемъ, клонящемся къ расширенію ихъ круга дѣйствій. А конецъ можетъ быть грустный. Что будетъ, ежели на провинціальныя капиталы, посвященные теперь по большинству на коммисіонерство нашихъ центральныхъ фабрикъ и заводовъ, спизойдетъ вдохновеніе и разумное желаніе, отдѣльно или совокупно въ компаніяхъ, учредить подобныя заведенія въ мѣстахъ привольныхъ по дешевизнѣ топлива и рабочихъ рукъ? А оно придетъ, и скоро, по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, которыя устраняютъ многое, до сихъ поръ тому препятствовавшее. Съ другой стороны, что будетъ, ежели, справедливо охраняя интересы потребителей отъ возрастающей дороговизны и недоброкачества отечественныхъ произведеній, явится неизбежная потребность уменьшить пошлины на иностранные товары? Положеніе дѣйствительно затруднительное, которое, тѣмъ не менѣе, нужно ожидать и предвидѣть. Да послужитъ же оно предостереженіемъ для будущихъ дѣятелей на полѣ мануфактурной промышленности, и да заставитъ владельцевъ уже существующихъ заведеній подумать, какъ объ единственномъ средствѣ къ упроченію ихъ положенія, объ усовершенствованіяхъ, объ экономіи, словомъ—о рациональности производствъ, рѣдко характеризующей, какъ нами выше замѣчено, русскія фабрики и заводы.

Говоря о неравномѣрности распредѣленія русской заводско-фабричной промышленности, мнѣ остается еще сказать

иѣсколько словъ и о неправильности этого распредѣленія. Оставляя въ сторонѣ соображенія о дешевизнѣ топлива и рабочихъ рукъ, слѣдовало бы, казалось, думать, что мѣстность сырыхъ продуктовъ должна быть и мѣстомъ ихъ переработки въ издѣліе заводское или фабричное. А между тѣмъ сколько у насъ исключеній изъ этого правила, для большей части случаевъ, вѣрнаго. Посмотрите, на примѣръ, гдѣ расположено большинство нашихъ стеариновыхъ заводовъ: тамъ ли, гдѣ находятся главные источники, главная масса сала? И можно ли ожидать дешевизны стеариновыхъ свѣчъ, по крайней мѣрѣ обитателямъ этихъ сало-промышленныхъ мѣстъ, когда имъ приходится оплачивать въ свѣчѣ двойной провозъ сала до столичныхъ заводовъ и за тѣмъ свѣчи обратно. Когда первоначальный матеріалъ приходитъ на заводы не изъ первыхъ, но десятыхъ рукъ, и когда продуктъ заводскій доходитъ до потребителя также десять разъ проданный и перепроданный. Мы привели одинъ примѣръ, а ихъ много, и гдѣ же русскимъ издѣліямъ выдержать сравненіе въ дешевизнѣ съ иностранными, когда уже одно распредѣленіе заводовъ и фабрикъ содѣйствуетъ дороговизнѣ ихъ продуктовъ, а тутъ еще такъ много другихъ столь же существенныхъ причинъ.

Дорого да мило, можетъ быть замѣтятъ намъ. Конечно русскіе заводчики и фабриканты могутъ готовить отличныя вещи и лондонская выставка доказала иностранцамъ, что мы въ силахъ конкурировать съ ними въ добротности нашихъ мануфактурныхъ издѣлій; но, къ сожалѣнію, мы знаемъ тоже хорошо, что эта конкуренція возможна для насъ пока на однихъ только выставкахъ и что дѣйствительная внутренняя конкуренція самихъ дѣятелей отечественной мануфактурной промышленности лежитъ главной основой въ недоброкачественности русскихъ

произведеній. Здѣсь рѣчь идетъ о большинствѣ; нѣтъ правила безъ исключенія, и мы съ утѣшеніемъ можемъ считать нѣсколько именъ, постоянно заботящихся о чести своей фирмы, которыхъ издѣлія, по добротности, также постоянно цѣнятся и охотно раскупаются, хотя и не безъ ропота на дороговизну, зависящую, впрочемъ, не столько отъ личностей производителей, сколько отъ общихъ условій нашей мануфактурной промышленности. Но много ли такихъ отрядныхъ примѣровъ? Изъ 10000 русскихъ фабрикъ и заводовъ едва ли и 100 подойдетъ подъ вышесказанную категорію.

Да, мы должны повторить здѣсь то, что уже высказали о сельской промышленности: конкуренція, которая за границей такъ быстро подвинула всѣ отрасли мануфактурной промышленности, у насъ ведетъ совершенно къ обратнымъ результатамъ. Поговорите съ старожилыми и спросите ихъ мнѣніе о русскихъ мануфактурныхъ издѣліяхъ прежняго времени, впрочемъ недавняго, лѣтъ 30, 40 тому назадъ, даже менѣе, и они отвѣтятъ вамъ: что тогда наши издѣлія были лучше, добротнѣе, дѣлались честнѣе, т. е. не вводили въ обманъ покупателя, что тогда за чистыя деньги брался и чистый товаръ, а теперь покупай и оглядывайся, теперь отношенія покупателя къ продавцу тѣ-же, что карася къ шукѣ, по старой русской пословицѣ. Они скажутъ вамъ, что нынѣшніе заводскіе и фабричные продукты, пожалуй, въ нѣкоторыхъ случаяхъ виднѣе и красивѣе прежнихъ, да за то меньше въ нихъ добротности, меньше какъ-то настоящаго вѣса, мѣры и объема, и примѣровъ приведутъ много: нашу нанку и китайку изъ 12 вершковой мѣры сократившуюся на 6 вершковую ширину, наши сукна, ситцы, кисеи, шерстяныя и шелковыя ткани, идущія по тому же пути суженія и облегченія въ вѣсѣ.

Но примѣры эти, по крайней мѣрѣ, не примѣры обмана; не обязаны же производители вышепоименованныхъ продуктовъ дѣлать свои издѣлія въ извѣстную ширину (а жаль, за границей во многихъ мѣстахъ это обязательно) и въ слѣдствіе полной свободы ихъ личнаго усмотрѣнія ввелась система сокращенія. Но что же сказать о тѣхъ случаяхъ, гдѣ къ этой модѣ присоединяется обманъ, гдѣ потребитель, вѣря слову заводчика или фабриканта, покупаетъ товаръ его безъ повѣрки, фунтъ за фунтъ и не получаетъ фунта; а это слѣдуетъ сказать о свѣчахъ стеариновыхъ, которыхъ первые выпуски въ Россіи были фунтъ безъ бумаги, потомъ въ эготъ фунтъ вошла бумага, далѣе и съ бумагой фунтъ пересталъ быть фунтомъ; ту-же, но еще болѣе рѣзкую, исторію представляетъ нашъ сургучъ: вѣсъ сокращался въ немъ быстрѣе и въ нынѣшнемъ фунтѣ сургуча тѣ-же 16 палочекъ, но въ палочкахъ-то недостаетъ золотниковъ 30. Есть и другіе примѣры съ другимъ характеромъ; охраняя личные интересы, вы, покупая товаръ, торгуетесь до нельзя, вѣшаете его, бережете каждый золотникъ, хлопчете о походцѣ, рассчитываетесь чистыми деньгами и остаетесь въ убѣжденіи, что купили выгодно, не подозревая даже, что въ извѣстномъ вѣсѣ пріобрѣтеннаго предмета пріобрѣли чуть ли не четвертую часть вещества дешеваго и совсѣмъ вамъ пенужнаго. Вспомните казанское ядро (мыло), славившееся нѣкогда во всей Россіи, и нынѣшнее казанское мыло, въ пудѣ котораго покупаемъ мы чуть ли не десять фунтовъ воды, по цѣнѣ для нея слишкомъ высокой. Но для всѣхъ подобныхъ примѣровъ потребовалось бы слишкомъ много мѣста и времени; надѣюсь, и сказаннаго достаточно для сравненія настоящаго съ прошлымъ и для полнаго убѣжденія съ одной стороны въ игривости ума русскаго практика, съ другой

въ нисходящемъ пути усовершенствованія отечественныхъ мануфактурныхъ произведеній.

Но кто же виноватъ во всемъ этомъ? Конкуренція не-правильная, фальшивая, несдержимая, ни мѣрами административнаго ограниченія, ни общественнымъ мнѣніемъ, слишкомъ молчаливымъ; конкуренція, которая при такой обстановкѣ невольно увлекала каждаго, даже и честнаго человѣка. Представьте двухъ сосѣдей фабрикантовъ, вы-работывающихъ одно и тоже издѣліе, положимъ, измѣряемое аршиномъ. Вдругъ одинъ изъ нихъ, глубоко понявшій потребителей и подстрекаемый жаждой корысти, начинаетъ производить свой товаръ на полвершка уже и продавать его нѣсколько дешевле; товаръ идетъ бойко и смысленый владѣлецъ фабрики наживаетъ деньги. У сосѣда же наступаетъ застой, который и продолжается пока онъ не смѣкнетъ въ чемъ дѣло; полвершка не велики и въ глаза не вдругъ бросаются. Смѣкнувши, если онъ честенъ, крѣпится, ждетъ переменъ и справедливости отъ почтеннѣйшей публики, а эта послѣдняя, по добротѣ и простодушію, радуется дешевизнѣ, покупаетъ охотно, прикупаетъ вслѣдъ за тѣмъ еще аршинъ или два, бранить моду за эти лишки и восхищается успѣхами русскихъ фабрикъ. Ну что же дѣлать фабриканту сосѣду? Закрывать заведеніе и раззориться? Подумаетъ, подумаетъ эготъ фабрикантъ и дастъ приказъ фабричной конторѣ: съ сего числа работать товаръ на $\frac{3}{4}$ вершка уже противъ прежняго.

$\frac{1}{2}$ Представлю вамъ еще примѣръ, хотя и въ другомъ родѣ. Возьмите честнаго ситцеваго фабриканта, работающаго заварной нелиночій товаръ, покупающаго миткаль отъ другихъ лицъ, а слѣдовательно и не отвѣчающаго за ширину его, котораго дѣло отбѣлить эготъ миткаль и украсить разноцвѣтнымъ узоромъ. Дорожа своей фирмой, онъ не

жалѣть расхода, держитъ отличныхъ колеристовъ, имѣетъ корреспондентовъ за границей, выписываетъ образцы и рисунки, передѣлываетъ ихъ, принаравливаясь къ русскому вкусу и ладу. Все зависитъ отъ умѣнья угодить публикѣ. Представьте теперь, что имъ составленъ рисунокъ, на успѣхъ котораго онъ надѣется, и сдѣлано распоряженіе работать по нему столько-то кусковъ товара; а между тѣмъ въ полверстѣ отъ него есть другой фабрикантъ, производящій тоже ситцы, но другаго рода—ситцы такъ называемые верховые, дешевые, кофтекъ по 8, по 10 аршинъ, ситцы линючіе и плохіе. Самъ фабрикантъ очень хорошо знаетъ, что пословица «дешево да гнило» вполне прилична его издѣлію, онъ самъ не подаритъ его въ праздникъ своей прислугѣ; да отъ чегожъ ему не работать, когда есть запросъ и когда работа выгодна? Конечно, при дешевизнѣ продукта, ему неприводится имѣть хорошихъ своихъ колеристовъ, не стоитъ даже сочинять самому узора; достаточно подражанія первокласснымъ фабрикантамъ. Вотъ это-то подражаніе часто обходится дорого послѣднимъ; пользуясь слабой натурой русскаго рабочаго, за какойнибудь полуштофъ пѣннаго, производитель верховыхъ ситцевъ, добываетъ не только нужный для него рисунокъ, но даже готовые къ нему маллеты, которыми накатываетъ свои цилиндры и печатаетъ миткаль. Его товаръ, петребующій длиннаго ряда операцій, на 5-й или 6-й день поспѣваетъ и поступаетъ уже въ продажу; а у первокласснаго фабриканта, сосѣда, ситецъ того же самаго узора только что въ началѣ работы и выйдетъ еще не раньше мѣсяца. А между тѣмъ весь эффектъ рисунка, весь расчетъ на него уже спорченъ. Купить ли наша барыня или купчиха — однимъ словомъ русская женщина — себѣ или своей семьѣ ситецъ, когда она видѣла точь вточь

такой же на своей или чужой прислугѣ? Какъ можно — конфузно.

Вотъ, мм. гг., очеркъ тѣхъ основаній, на которыхъ зиждется конкуренція большинства отечественной мануфактурной промышленности, основаній грустныхъ за ихъ ложь и неправду, не дѣлающихъ чести моральной сторонѣ русскаго человѣка. Но какъ же поправить зло, какъ измѣнить невѣрное направленіе, какъ оградить людей честныхъ отъ подкупа другихъ, какъ вразумить этихъ послѣднихъ истиннымъ основаніемъ конкуренціи? Вотъ вопросы о которыхъ нужно подумать, потому, что каждый, болѣе или менѣе, чувствуетъ ненатуральность, ненормальность положенія нашей заводско-фабричной дѣятельности. Для тѣхъ же, кому извѣстенъ ходъ конкуренціи за границей, это сознаніе становится еще яснѣе и неотраднѣе.

И какъ, кажется, немного нужно: честность и знаніе дѣла, усовершенствованіе издѣлія и раціональное (правильно-экономное) его производство.

О честности и усовершенствованіяхъ мы уже говорили; посмотримъ теперь русское знаніе дѣла и русскую экономію.

Практики говорятъ, что то дѣло у насъ идетъ еще такъ себѣ, гдѣ есть при немъ хозяйскій глазъ; начнемъ же съ хозяевъ нашихъ фабрикъ и заводовъ, принадлежащихъ, по преимуществу, лицамъ купческаго сословія и, гораздо въ меньшемъ числѣ, помѣщикамъ. За границей заводчикъ или фабрикантъ знаетъ свое дѣло до мелочей, онъ отдаетъ ему все свое время и вниманіе, занимается имъ самъ, за всѣмъ приглядитъ, все повѣритъ, и, если нѣкогда самому, то приучитъ къ нему и поручитъ сыновьямъ. Да сверхъ того имѣетъ онъ при заведеніи научно образованныхъ людей, химиковъ и механиковъ, знающихъ, опытныхъ мастеровъ

и рабочихъ, которымъ платитъ правда не дешево, да за то не боится конкуренціи, не знаетъ неудачъ и порчи въ товарѣ или его браку; за то время не тратится даромъ и каждая копѣйка, имъ расходуемая, вознаграждается съ избыткомъ; за то нѣтъ у него ошибокъ въ выборѣ и покупкѣ нужныхъ приборовъ и матеріаловъ для производства и въ общемъ итогѣ выходитъ, что издѣлія его хороши и дешевы.

Но много ли найдется такихъ примѣровъ на Руси? Конечно есть они, есть имена, на которыя указать бы мы желали, но о которыхъ умалчиваемъ, зная ихъ скромность. Но увы! эти имена рѣдкія исключенія, жемчужины — и дѣлать по нимъ общее заключеніе было бы непростительной ошибкой.

У насъ порядокъ не тотъ; фабрикантъ или заводчикъ только капиталистъ, дѣло же знать ему нѣкогда, да и не его дѣло. Если онъ купецъ, то навѣрное у него столько еще другихъ занятій, хлопотъ съ чайной, мѣховой или другими отраслями торговли, съ подрядами и благотворительными подвигами, въ видахъ собственного честолюбія, что заняться дѣломъ фабрики или завода ему рѣшительно не возможно. Если у него есть дѣти мужескаго пола, то, по принятому большинствомъ обыкновенію, онъ нарываетъ ихъ вывести въ люди, т. е. изъ купеческаго сословія. Если фабрикантъ или заводчикъ изъ числа помѣщиковъ — такъ тутъ еще болѣе препятствій къ занятію дѣломъ: зимой служба, скука деревенской жизни, за то веселые балы, театры, карты; лѣтомъ сельское хозяйство, охота, минеральныя воды и другія разныя житейскія нужды и развлеченія. Въ результатѣ всего выходитъ, что хозяйскаго глаза мало, очень мало.

Да какъ же завелись и заводятся у насъ заводы и фабрики, можетъ быть спросятъ меня; неужели и первоначальные учредители такъ мало удѣляли и удѣляютъ на нихъ своего вниманія? Къ сожалѣнію такъ. Купецъ или помѣщикъ (что гораздо рѣже), владея свободнымъ капиталомъ или даровымъ трудомъ, рассуждаетъ не безъ нѣкотораго основанія, что ежели другіе имѣютъ мануфактурныя заведенія, то навѣрное они приносятъ выгоды, безъ чего конечно бы таковыя заведенія уничтожились, исчезли. За тѣмъ является мысль — отъ чего бы и ему не сдѣлаться заводчикомъ или фабрикантомъ; и не задавъ себѣ труда ознакомиться хоть бы слегка съ начинаемымъ дѣломъ, не собравъ нужныхъ свѣдѣній о матеріалахъ, стоимости работы, вѣрности сбыта, а, переманивъ только мастеровъ и рабочихъ, онъ, глядя на сосѣда, начинаетъ заводить, рядомъ съ нимъ, такой же заводъ, въ простомъ расчетѣ идетъ у него — поидетъ и у меня, не утрудивъ себя даже мыслью: не дѣлаетъ ли онъ вреда и себѣ и другому своимъ вмѣшательствомъ — и не лучше ли бы было пріискать для завода другое, подальше, болѣе приличное и выгодное мѣсто. Ставъ заводчикомъ, такой капиталистъ входитъ въ общій уровень; нѣтъ въ его дѣлѣ хозяйскаго глаза — и крѣпко держитъ его въ рукахъ мастеръ, во многихъ мѣстностяхъ справедливо называемый заводчикомъ.

Но ктожъ эти люди, именующіе себя громко мастерами, заводчиками, составщиками, винокурами и т. д. Люди, головою которыхъ ведется дѣло на большей части русскихъ заводовъ и фабрикъ; гдѣ и у кого пріобрѣли они свои знанія и искусство?

Есть у насъ правда примѣры, гдѣ въ вышеприведенныхъ званіяхъ встрѣчаемъ воспитанниковъ технологическаго института или московскаго ремесленнаго учебнаго

заведенія; но примѣры эти также рѣдки въ Россіи, какъ и сказанныя учрежденія къ техническому образованію. Нѣтъ, наши мастера, по большинству, люди другаго образованія — самоучки; это по обыкновенію крестьяне, съ ранняго, чуть не дѣтскаго возраста, начавшіе проводить зиму по заводамъ и фабрикамъ, гдѣ мало по малу, снагядки набиваютъ руку, но не голову, къ дѣлу, и, переходя съ одной работы на другую, мѣняя безпрестанно и мѣсто труда и хозяина, они доходятъ, наконецъ, до крайней степени возможнаго для нихъ знанія и дѣлаются главами, распорядителями работъ и производства. На этомъ длинномъ, тугомъ пути, въ этой школѣ рутины — гдѣ все свершается кругомъ машинально, по разъ заведенному порядку, безъ мысли и сознанія, безъ всякой новизны или перемѣны, гдѣ мастеръ, ученикъ такой же школы, нерѣдко съ умысломъ путаетъ дѣло, боясь подгляда сподручныхъ рабочихъ — скоро ли русскій мужичекъ возьметъ въ толкъ науку. И большая часть ихъ останавливается на полдорогѣ. Поговорите съ любымъ нашимъ мастеромъ, заводчикомъ, составщикомъ и пр., спросите его, какъ онъ научился своему дѣлу, и, если онъ захочетъ быть откровеннымъ съ вами, онъ насчитаетъ десятки лѣтъ убитыхъ на ученье, десятки смѣненныхъ хозяевъ, десятки Фомичей, Савельичей — мастеровъ его учителей, и наконецъ десятки ведеръ вина влитыя въ эти личности, не изъ жажды къ наукѣ, но изъ корысти быть мастеромъ, ворочать дѣломъ и хозяиномъ, наживать деньгу на счетъ его кармана и пить хлѣбное съ любознательными рабочими.

Но за то въ школѣ этой, столь скудной для полезнаго знанія, до тонкости изучаются всѣ статьи мошенничества, главнымъ образомъ воровство и порча; украсть хозяйскій припасъ или выдѣланный товаръ, спортить что нибудь по

досадѣ на хозяина, а чаще на мастера или товарища, русскій работникъ не ставитъ въ тяжкій грѣхъ своей совѣсти. А между тѣмъ это воровство и порча падаютъ на счетъ хозяйской и не могутъ не отразиться въ цѣнности издѣлія. Да и какъ не развиваться пороку, когда учетъ матеріаламъ и товару дѣлается, по обыкновенію, разъ въ годъ, въ продолженіи котораго и рабочіе смѣняются, такъ что и взыскивать не на комъ, когда уличенный на дѣлѣ не отправляется въ полицію, во избѣжаніе лишнихъ проторей и убытковъ, не ссылается съ заведенія, потому, что онъ тотчасъ же найдетъ мѣсто у другаго, а хозяинъ лишится рабочаго, когда дѣло кончается каждый разъ частной расправой, не рѣдко даже изъ собственныхъ же хозяйскихъ рукъ для вящаго назиданія и когда, наконецъ, за оконченной экзекуціей слѣдуютъ не упреки товарищей за дурной поступокъ, но насмѣшки за просакъ, утѣшенье, что впередъ будетъ умнѣе, т. е. украдетъ ловчѣе и искуснѣе.

Больно мнѣ, мм. гг., что говоря о русскихъ рабочихъ, я долженъ былъ указать на грустно-грязную сторону нашей заводско-фабричной промышленности; но говорить другое, противное, основываясь на рѣдкихъ исключеніяхъ, значило бы во зло употреблять ваше довѣріе.

Можно ли же при такой обстановкѣ большинства русскихъ промышленныхъ заведеній ожидать преуспѣнія, развитія знанія, усовершенствованія издѣлій, которыя такъ нужны, такъ желательны для доброкачественности и дешевизны отечественныхъ мануфактурныхъ произведеній?

Въ началѣ моей рѣчи я уже высказалъ одну неоспоримую истину, что издѣліе можетъ быть дешево и хорошо только при правильномъ потребленіи труда и при полномъ знаніи производства. Посмотримъ же еще на нашу заводско-

фабричную промышленность съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія.

Правильно ли потребляется у насъ трудъ? Не будемъ говорить здѣсь объ исключеніяхъ, о тѣхъ заводахъ и фабрикахъ, которыя нельзя упрекнуть въ этомъ случаѣ (да и то выполнѣ ли?); поговоримъ о большинствѣ.

Къ задѣльной платѣ, обеспечивающей заводчика или фабриканта, хотя и не совсѣмъ, въ его расходахъ за трудъ, русскій рабочій приученъ мало. На большинствѣ нашихъ промышленныхъ заведеній онъ рядится или помѣсячно, или по срокамъ, отъ одного праздника до другаго, и предпочитаетъ эту ряду, какъ болѣе вѣрную, болѣе его обеспечивающую. Въ этомъ случаѣ, нашъ рабочій поступаетъ благоразумно; чтобы задѣльная плата была выгодна, необходимо, чтобы дѣло шло правильно, безостановочно, ровно. А всегда ли такъ бываетъ? Мы имѣли случаи видѣть въ нѣкоторыхъ отечественныхъ производствахъ, въ которыхъ, отчасти, по нѣсколькимъ операціямъ, введена задѣльная плата, большія неудовольствія рабочихъ на неровность работы, на интервалы въ ней, происходящія всего чаще или отъ неправильнаго, непредусмотрительнаго порядка въ дѣлѣ, или отъ непропорціональности числа такихъ рабочихъ къ предмету работы. Въ этихъ случаяхъ, часто цѣлыя артели, оставаясь на нѣсколько дней безъ всякаго дѣла, не считаютъ для себя выгоднымъ жить безъ заработка, хотя и на готовомъ хозяйскомъ содержаніи, которое, тѣмъ не менѣе, стоитъ заводчику или фабриканту расхода, падающаго, разумѣется, на вырабатываемый продуктъ и увеличивающаго его цѣнность. Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, расходъ ограничивается однимъ содержаніемъ, тогда какъ при наймѣ рабочихъ мѣсячнымъ или въ сроки, къ нему въ подобномъ случаѣ присоединяется

еще расходъ на жалованье. А эти случаи столь часты, что едва ли не могутъ назваться ежедневными. Въ самомъ дѣлѣ, приведенъ ли на большинствѣ нашихъ заводовъ и фабрикъ ходъ производства въ такой порядокъ, чтобы свечера еще составлялась роспись работъ на слѣдующій день? Выяснена ли средняя мѣра труда, чтобы роспись эта могла быть урочною? Нѣтъ! а безъ этого какой же ждательности, ровности и опредѣленности въ самомъ приложеніи труда, въ особенности при расчетливо-лѣнливой натурѣ русскаго рабочаго, тратящаго два, даже три часа времени, при наймѣ изъ жалованья, тамъ, гдѣ бы ушло у него не болѣе часа, при задѣльной платѣ. На глазахъ хозяина, управляющаго или прикащика онъ работаетъ какъ слѣдуетъ, да за глазами-то чуть не двѣ трети времени убиваетъ на разговоры, прибаутки, побранки съ товарищами, или на потяготу, роздыхъ и глубокомысленный столбнякъ, когда стоитъ одинъ на работѣ. А гдѣжъ усмотрѣть за всѣмъ хозяйскому глазу? И дешевые работники, по суммѣ производимаго труда, обходятся не такъ-то дешево, а съ ними не дешево и издѣліе.

На эту-то статью, какъ также одну изъ существеннѣйшихъ въ дороговизнѣ русскихъ мануфактурныхъ произведеній, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе нашимъ практикамъ, тѣмъ болѣе, что огромная цифра праздниковъ и слѣдующихъ за каждымъ изъ нихъ нѣсколькихъ дней одуренія, страшно увеличиваютъ стоимость работы, не смотря на кажущуюся дешевизну найма или платы.

Мы замѣтили еще выше, что одно изъ условій дешевизны и добротности издѣлій заключается въ полномъ знаніи ихъ производства.

Да неужели русскіе заводчики и фабриканты, хотя бы и мало занимающіеся своими заведеніями, не знаютъ ихъ

производства? спросить меня. Не имѣя права сказать этого обо всѣхъ, потому что лично знакомъ со многими, отлично знающими заводское и фабричное дѣло, не имѣя права сказать того же даже о большинствѣ, долженъ однакоже прибавить, что такіе примѣры случаются. Миѣ привелось, однажды, быть приглашеннымъ къ слѣдствію, по протесту нѣсколькихъ заводчиковъ на просьбу о выдачѣ привилегіи на новый способъ приготовления мыла, и просить гг. этихъ заводчиковъ объяснить употребляемый ими методъ мыловаренія; отсутствіе всякаго, даже поверхностнаго, знанія въ собственномъ ихъ дѣлѣ было поразительно. Конечно, приведенный примѣръ исключеніе и мы готовы признать, что наши практики знаютъ свое дѣло, но какъ знаютъ, вотъ вопросъ, на который мы можемъ, говоря о большинствѣ, отвѣчать положительно.

Каждый изъ этого большинства, громко утверждающій, что на его заведеніи только и заботы, чтобы представить товаръ покупателю въ лучшемъ видѣ, первымъ сортомъ, знаетъ производство товара такъ же, какъ его сосѣдь или знакомый, занимающійся тѣмъ же дѣломъ. Мастера, заводчики и проч. знаютъ столько же, и выходитъ, что степень знанія у всѣхъ одинакова, что всѣ работаютъ по одному и тому же способу и работаютъ точь въ точь, какъ работали дѣды и прадеды, а порой хуже отъ испорченности производства; также палятъ дрова безъ учета, также мѣшкуютъ въ работѣ, также не знаютъ цѣны побочнымъ продуктамъ, также выдѣлываютъ товаръ неудовлетворительнымъ, но за то дорогимъ. Достаточна ли степень такого знанія въ настоящую пору? Она была извинительна для временъ минувшихъ, но теперь, когда всѣ отрасли мануфактурной промышленности такъ далеко ушли впередъ за границей; когда измѣнились не только приемы, но и ме-

тоды въ производствахъ; когда вездѣ вошелъ паръ и какъ двигатель и какъ нагрѣватель, когда все идетъ по законамъ науки, а не примѣра предковъ? Посмотрите кругомъ, что сдѣлано новаго, лучшаго противу прежняго въ большинствѣ нашихъ промышленныхъ заведеній, въ нашемъ салотопленіи, въ свѣчномъ дѣлѣ, въ мыловареніи, въ дѣлѣ кожевенномъ, клееваренномъ и проч., и проч., и проч. — за весьма рѣдкими исключеніями, ровно ничего! Много ли возникло, при нашей богатой, неразузанной еще природѣ, производствъ новыхъ — весьма и весьма мало.

Что же гг. заводчики и фабриканты? Неужели дѣла ваши, какъ и все вышеизложенное, можетъ и должно остаться въ томъ же положеніи и на времена грядущія (1)? Неужели положеніе это, тягостное для государства, тяжело для васъ самихъ? Нѣтъ; мы не разъ слышали ваши вздохи, ваше сожалѣніе, что времена перемѣнились и что теперь заводское и фабричное дѣло уже не такъ выгодно, какъ прежде. Чтожъ дѣлать! Время шло, а вы стояли. Неужели вамъ не странно, если уже не обидно, что у иностранцевъ, гдѣ рабочіе пьютъ каждый день вино и кофе, одѣты внѣ работы также какъ и мы съ вами, гдѣ топливо такъ цѣнно и рассчитано, гдѣ первоначальные матеріалы обходятся не столь дешево и нерѣдко отъ насъ же получаютъ, всѣ издѣлія и лучше и дешевле вашихъ? Нѣтъ; вы очень хорошо сознаете, что отстали отъ иностранцевъ, какъ отстаютъ пѣшіе отъ коннаго, и продолжаете бездѣйствовать или, правильнѣе, дѣйствовать по старому, углубляясь только въ свою личность и не помышляя о будущемъ далѣе ближайшей ярмарки.

(1) Это относится къ тому большинству, о которомъ шла рѣчь до сихъ поръ.

II Неужели не ясна причина всего этого, заключающаяся въ недостаткѣ знаній?

И вотъ, мм. гг., мы снова пришли къ заключенію, что и въ сферѣ заводско-фабричной промышленности, какъ и въ ремесленной, необходимо ученье, какъ единственное средство къ измѣненію существующаго въ ней порядка. И здѣсь столь же вѣрна и приложима пословица «ученье свѣтъ», которому пора уже, и давно пора, освѣтить темный горизонтъ нашей мануфактурной дѣятельности, и желательно бы было, чтобы сознаніе этой непреложной истины скорѣе усвоилось русскими заводчиками и фабрикантами, скорѣе сдѣлалось ихъ общимъ убѣжденіемъ.

Къ сожалѣнію, въ средѣ ихъ еще много, и очень много, лицъ далекихъ отъ этого сознанія, для которыхъ наука и ученье дѣло не подходящее, сторона, а еще болѣе такихъ, которые, смутно понимая нужду ученья, смотрятъ на науку, какъ на что-то недоступное, имъ чуждое. Есть, наконецъ, и ясно видящіе все различіе между русскимъ и иностраннымъ практикомъ, ясно понимающіе всю необходимость знанія, есть искренно желающіе учиться, но незнающіе, какъ приняться за дѣло, гдѣ искать науку и какъ приступить къ ней.

Вотъ для этихъ-то лицъ мы позволяемъ себѣ высказать нѣсколько словъ.

При современномъ положеніи нашей заводско-фабричной промышленности, ученье нужно равно для всѣхъ, и старому и малому, и хозяину и работнику. Учиться никогда не поздно, и тѣмъ, кому уже прошла пора ученья классами и курсами, заботливое правительство указало другую возможность; оно открыло публичныя лекціи химіи, механики и технологіи при университетахъ; лекціи, на которыхъ, доступно и популярно, излагается все касающееся ману-

фактурной промышленности и преимущественно мѣстной, гдѣ фабрикантъ и заводчикъ можетъ узнать тѣ основанія, на которыхъ должны вестись различныя производства, что нехорошо и неправильно въ нашихъ приѣмахъ и методахъ, и что должно сдѣлать для ихъ измѣненія. Лекціи эти открыты бесплатно; объ нихъ публикуется ежегодно, и что же? Не имѣя права сказать что либо о другихъ мѣстахъ, я могу, однакоже, сообщить здѣсь результатъ шести-лѣтняго моего чтенія такихъ лекцій въ казанскомъ университетѣ. Публичныя лекціи посѣщались здѣсь, по преимуществу, студентами и воспитанниками гимназій, менѣе мѣстными чиновниками, рѣже помѣщиками и купцами, еще рѣже заводчиками и фабрикантами, да и то заѣзжими. Кто же виноватъ? Наука предлагается, васъ приглашаютъ къ ней; неужели вамъ стыдно поучиться у другихъ, хотябы и нестарыхъ людей, но убившихъ всю жизнь на науку? Вѣдь это ложный стыдъ; не въ сѣдомъ и длинномъ волосѣ заключены знанія.

Кто мѣшаетъ, далѣе, сблизиться съ этими людьми, которые охотно подѣлились бы своими знаніями, посоветывали бы прочесть то, другое и третіе, съѣздить за границу въ извѣстныя мѣста и посмотрѣть, какъ тамъ ведется дѣло.

Неужели въ вашемъ мнѣніи уцѣлѣло старое воззрѣніе на профессоровъ, какъ на чудаковъ и философовъ?

Но довольно. Поговоримте о дѣтяхъ вашихъ. Ежели вы хотите, чтобы заведенное дѣло шло и въ будущемъ, прогрессивно расширяясь и улучшаясь, дайте сыну вашему приличное тому и воспитаніе. Вы спросите: гдѣ и какъ? Отвѣтъ есть положительный. Заботливое правительство, независимо отъ коммерческихъ училищъ, открыло при нѣкоторыхъ университетахъ камеральные разряды, и сюда-то

слѣдуетъ помѣщать вамъ сыновей вашихъ, но не за тѣмъ только, чтобы они прошли 4 курса, да получили дипломъ и сдѣлались чиновниками; не вѣмъ же быть чиновниками—и отечеству столь же нужны и полезны образованные заводчики и фабриканты. Нѣтъ, пользуясь родительскимъ вліяніемъ, вамъ слѣдуетъ внушить имъ истинное пониманіе дѣла и понаблюдать, чтобы въ молодомъ умѣ вашихъ дѣтей роились бы не мечты о чужой карьерѣ, но укладывались бы законы химіи, механики, политической экономіи, и чтобы съ окончаніемъ курса сынъ вашъ вынесъ изъ университета ясный взглядъ на жизнь промышленную. Тамъ займите его уже практически годъ или два дѣломъ, дайте ему время узнать совершенно всѣ недостатки производства, дайте попытать собственныхъ силы, прилагая теорію къ практикѣ, однимъ словомъ, сдѣлайте его самого практикомъ и потомъ отправьте за границу, а всего лучше—позжайте и сами съ нимъ. Простите за эти совѣты и поверьте, что они идутъ отъ сердца.

Но если у васъ нѣтъ дѣтей мужескаго пола, нѣтъ племянниковъ или внуковъ, а есть заводъ или фабрика, то доверьте ваше заведеніе, управленіе имъ камералисту, воспитаннику университета, сдѣлайте для него тоже, что сдѣлали бы для сына, потому что съ его моральной пользой связана личная ваша выгода.

Въ самомъ дѣлѣ, камеральные разряды учреждены при университетахъ с.-петербургскомъ, дерптскомъ, казанскомъ, харьковскомъ и при ришельевскомъ лицѣ въ Одессѣ; его недостаетъ только въ немногихъ высшихъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ; и между нами, къ сожалѣнію, мы должны упомянуть объ университетѣ московскомъ, всегда шедшемъ впереди своихъ собратьевъ, и гдѣ разрядъ камеральный, по значенію Москвы въ отечественной промышлен-

ности, былъ бы нуженъ и полезенъ, чѣмъ во всякомъ другомъ университетѣ. Разряды эти существуютъ уже давно (не менѣе 10 лѣтъ), приготовили уже значительное число молодыхъ людей, въ средѣ которыхъ, судя по казанскому университету, было много лицъ даровитыхъ вполне подготовленныхъ для нуждъ заводско фабричнаго дѣла, вполне готовыхъ и служить ему. Но, увы! почти всѣхъ ихъ судьба повела по служебному поприщу, въ которомъ исчезаютъ и предаются забвенію прибрѣтенныя спеціальныя знанія, и доброе сѣмя остается безплоднымъ, потому что падаетъ не на ту, не на соотвѣтственную ему, почву. А кто же виноватъ? Опять таки вы гг. заводчики и фабриканты, вы—привыкшіе къ обманчивой дешевизнѣ найма, вы—непривыкшіе цѣнить знанія и вѣрить въ равносилность его съ капиталомъ, вы позволяющіе обкрадывать себя и утѣшающіеся тѣмъ, что не дорого платите за нечестную вамъ службу (1).

Да, гдѣ же эти камералисты; мы ихъ не знаемъ, скажете вы мнѣ. Да, господа, вы хорошо знаете, что у насъ богатый человекъ рѣдко заботится о спеціальному знаніи; для него достаточно быть энциклопедистомъ, понимаете по этому, что познанія и деньги рѣдко живутъ вмѣстѣ, и вамъ тяжель первый шагъ къ сближенію съ людьми способными, образованными, нужными для васъ. А какъ простъ этотъ шагъ, стоило бы только отнестись къ университетскимъ начальствамъ съ изложеніемъ надобности и условій.

Какого же ждать успѣха отъ мѣръ правительства, отъ камеральныхъ разрядовъ, отъ публичныхъ лекцій, когда

(1) Здѣсь говорится опять таки о большинствѣ.

нѣтъ сочувствія и пониманія этихъ мѣръ со стороны тѣхъ, для кого учреждены онѣ?

Мы сказали выше, что ученіе нужно не для однихъ хозяевъ; и у насъ есть мѣсто для образованія механиковъ, машинистовъ, мастеровъ и пр. — это технологическій институтъ въ Петербургѣ и ремесленное учебное заведеніе въ Москвѣ. Конечно, этихъ двухъ учреждений для обширной Россіи мало; но кто же мѣшаетъ заводчикамъ и фабрикантамъ, ради общей пользы и ихъ собственной, удѣлить единовременно $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{10}$ часть изъ годового дохода и составить, такимъ образомъ, капиталъ на учрежденіе подобныхъ техническихъ заведеній; нѣтъ сомнѣнія, что попечительное правительство наше оказало бы имъ въ этомъ случаѣ полное свое содѣйствіе. Требовать же всего со стороны правительства, на заботѣ и расходѣ котораго лежитъ такъ много, по крайнему нашему разумѣнію, было бы несправедливо, въ особенности при незначительности цифры вносимыхъ въ казну денегъ заводами и фабриками.

Но, высказывая убѣжденіе наше въ необходимости ученія въ сферѣ русской мануфактурной промышленности, какъ вѣрнѣйшаго средства къ измѣненію всѣхъ неблагоприятныхъ сторонъ ея, къ развитію нашихъ ремеселъ, заводовъ и фабрикъ, къ усовершенствованію и удешевленію нашихъ издѣлій, мы должны сознаться, что путь этотъ будетъ длиненъ и труденъ, ежели каждый пойдетъ по нему разновременно и по одиночкѣ.

Чтобы сократить его, нужна общая рѣшимость, обоюдная помощь; нуженъ примѣръ значительнаго числа, чтобы онъ увлекъ другихъ на путь истинный, и вѣрнѣйшая мѣра въ этомъ случаѣ есть учрежденіе общества поощренія отечественной мануфактурной промышленности.

Мы назвали эту мѣру вѣрнѣйшею и имѣемъ на то пол-

ное право, историческія доказательства. Англія, подавшая въ 1754 г. первая примѣръ подобныхъ учреждений, обязана быстрымъ развитіемъ всѣхъ отраслей ея промышленности обществу поощренія земледѣлія, художествъ и мануфактуръ; Франція, подражавшая ей въ 1802 году, обязана тѣмъ же обществу поощренія промышленности (*la société d'encouragement pour l'industrie nationale*). Пруссія — учрежденному въ 1821 году обществу для содѣйствія мануфактурной промышленности (*Verrein zur Beoerderung des Gewerbfleisses in Preussen*). Есть подобныя общества въ Бельгіи, Баваріи и другихъ мѣстахъ; есть вездѣ, гдѣ только видимъ мануфактурную промышленность вполне развитою и процвѣтающею. Въ Россіи только нѣтъ ни одного общества для поощренія нашихъ мануфактуръ; за то сколько сельско-хозяйственныхъ, благодаря заботамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а потомъ государственныхъ имуществъ. А странно, еще 30 лѣтъ тому назадъ писалось о необходимости и пользѣ таковыхъ обществъ (1). Затѣмъ въ томъ же 1827 г. возникла мысль такового учрежденія при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, Высочайше одобренная, но къ сожалѣнію несостоявшаяся (2).

Далѣе, 10 лѣтъ тому назадъ, снова печаталось о пользѣ подобнаго общества (3). Наконецъ въ 1856 году, составленъ въ Москвѣ вновь проэктъ россійскаго общества поощренія мануфактуръ, недавно уже представленный правительству. Зная глубоко нужды отечества и твердо вѣря, по примѣрамъ другихъ государствъ, въ ту пользу, какую,

(1) Журналъ Мануфактуръ и торговли 1827 г. № 9.

(2) Тамъ же стран. 143 № 2.

(3) Московскія вѣдомости 1847 № 93.

безъ сомнѣнія , принесеть оно , мы не можемъ не желать его осуществленія и не видѣть въ немъ начала новой, болѣе отрадной и блестящей, эпохи въ исторіи русской мануфактурной промышленности.

Благополучно царствующему , обожаемому Россіей Монарху , Государю Императору Александру Николаевичу , выпадаетъ жребій Петра I и Екатерины II, въ дѣлѣ развитія промышленныхъ силъ и образованія русскаго народа. Да хранитъ же Его Господь для могущества , славы и чести равно веѣмъ намъ дорогой отчизны!
